

Дмитрий Морозов

Клык и коготь

Дмитрий Витальевич Морозов

Клык и коготь

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27439836
Клык и коготь / Морозов Д. В.: Авторское; 2010*

Аннотация

Мир, в котором людям нет доступа к магии, зато животные могут ею пользоваться – и у местных жителей не было бы шансов, не будь они оборотнями. Шкура зверя не даёт людям доступ к магическим энергиям, но... Оборотень на пике ярости способен противостоять любому колдовству! Этого маловато для нападения, но вполне достаточно для защиты. Плюс к этому – местные белки, которых удалось одомашнить хлоям, с удовольствием используют свои способности для помощи хозяевам. Всё на первый взгляд сбалансировано, но добавьте к этому зоны, где и прирождённому оборотню не выжить, архимагов иных миров, мечтающих покорить разбушевавшуюся стихию, узлы магических энергий, превращающих человека в чудовище при одном прикосновении – и получится запутанный клубок, в котором придётся действовать совершенно не приспособленным к подобному жителям планеты Земля.

Дмитрий Морозов

Клык и коготь

*Когда судьба говорит тебе – нет
А рок смеется и твердит – никогда
Найди в себе силы ухмыльнуться в ответ
Оскалив клыки – и шагнуть в никуда*

*Есть путь богов и есть путь героев. Это
путь побед, блестящий и безупречный до первого
поражения. Это идеал человека.*

*Есть путь демонов и путь палачей. Это путь
предательства и обмана, способный уничтожить и
победителя, и побеждённого. Это стезя зверя.*

*Остальные пути – лишь комбинации этих
двух, ибо человек и животное всегда сражаются
за душу хлю. Суметь разбудить в себе ярость
дикого зверя, очистить разум от эмоций, дав
возможность решать сердцу – иной путь, путь
клыка и когтя, когда зверь в теле борется со зверем
в душе. И нет победителей в этой борьбе. Просто
проигравшие выбывают, навеки обрстая икурой –
а остальные делают ещё один крохотный шаг. Шаг
по бесконечному пути клыка и когтя.*

Из изречений древних искателей истины народа хлюев.

Катакомбы тянулись, казалось, бесконечно. Лужи под ногами, сырость камней, низкие потолки, разводы граффити

на стенах. Только боязнь выглядеть немужественным перед идущими позади девушками мешала всё бросить и направиться к выходу. Неясный тусклый свет налобного фонаря создавал причудливые тени, играя выступами и провалами стен, рисуя свои, непонятные узоры, перекликающиеся с художествами диггеров, прошедших вчера.

Ну зачем он, привыкший к раздолью полей и лесов, потащился в эту подземную сыромять? Престижно? Модно? Или польстили туманные обещания проводника показать какую-то новую, недавно открытую часть подземелий со странными рисунками, на фотографиях которых была видна древняя руна духа пространств? Дед, когда был жив, учил его полузабытым знакам, значения которых сам почти не понимал – и что с того, что один из них мелькнул на смазанной фотке, среди груды костей? Стоило ли это потраченного времени, брошенной интересной книги и нынешнего таскания по промозглой сырости глубоко под землёй? Отдать дань современной моде на экстрим? Макс поневоле усмехнулся. Что знают об опасности эти бледные и худые, выросшие на пепси дети, щекочущие себе нервы тенями заброшенных катакомб. А каково висеть на скале на одной руке без всякой страховки, глядя на раскинувшуюся под тобой тайгу, лихорадочно нащупывая на поясе запасной нож взамен сломавшегося? Или из последних сил упираться рогатиной в землю, чувствуя кровавое дыхание стремящегося к тебе зверя, в агонии пытающегося дотянуться до своего убийцы? Ах, это не

модно и не престижно, сейчас в лес ходят только с оптикой и в сопровождении умелых лесовиков... Там, откуда он родом, рогатина была обычным делом, и не вызывала никаких дополнительных эмоций... так зачем он тут? Парень прислушался к шагам идущей позади Насти и вздохнул. В тайге с девушками проблема, и умения общаться с прекрасным полом у него было маловато. Поэтому несколько слов, произнесённых нежным голосом, оказалось достаточно, чтобы всё бросить и второй час таскаться по подземным коммуникациям, изображая из себя крутого диггера – впрочем, судя по насмешливым взглядам проводника, невысокого щуплого парнишки, небритого, в грязном танковом комбезе, не более успешно, чем остальные в их смешанной и совершенно незнакомой компании. Макс уже совсем собрался подойти поближе к Насте и попытаться заговорить, как подземные своды вздохнули и тяжело опустились у группы за спиной, отрезая обратную дорогу.

Проводник, подскочивший к завалу, разом перестал улыбаться – стукнув пару раз по каменной громаде небольшим кайлом, он совсем посмурнел и повёл подопечных дальше, пытаясь набрать на сотовом какие-то номера. После нескольких неудачных попыток странно успокоился и угрюмо пошёл вперёд, почти побежал, ловко маневрируя в узком коридоре. Но минут через пять разгорячённая бегом группа уткнулась в каменную осыпь, засыпавшую проход.

Побледнев, парнишка глухо сказал:

– Призрак катакомб. Его проделки. Он отрезает нам все ходы наверх. Только вниз.

Все замолчали. Конечно, никто не сомневался, что их найдут и спасут – в 21 веке, да ещё и в городской черте, с известным маршрутом, но – червь сомнения уже проснулся и принялся за дело. Девчонки побледнели, и одна из них, умудрившаяся и в подземелье накраситься, собралась было упасть в обморок.

– И куда мы можем идти? – Макс старался мыслить практично – стоять вблизи осыпающихся стен было чревато.

– Вы хотели посмотреть новые места, украшенные рунами? Туда, похоже, нас и гонят. И делают всё, чтобы вы не передумали. Пошли, что ли? – Проводник усмехнулся и повёл притихшую группу к узкому лазу, ведущему вниз.

Зал был огромен. Конечно, лишь для подземелья. Он не шёл не в какое сравнение с тем же актовым залом института, но тут, глубоко под землёй, после часового протаскивания сквозь узкие щели, и достаточно просторная комната с высоким потолком, в которой можно стоять выпрямившись, покажется Красной площадью. Все разом повеселели, принявшись растирать уставшие от скрученных поз ноги, кто-то достал миниатюрный примус, собираясь разогреть принесённую в небольших рюкзаках еду, кто-то зажёл фонарь помощнее, освещая комнату – и Макс увидел...

Странный рисунок змеился по стенам, сползал на пол, образуя правильные круги, начерченные друг в друге, уходя-

щие один в другой подобно спирали – но при этом замкнутые. Древняя краска оставила в плитах пола небольшие желобки, словно была настолько едучей, что вытравила след, навсегда впитавшись в камень тёмной синью, багровой краснотой и тусклой зеленью. Краски, с трудом проступавшие из темноты, были едва заметны – к тому же на них трудно было смотреть пристально, сразу начинала кружиться голова, куда-то уплывало сознание, словно...

– Примус! Вырубайте, блин! – Проводник подскочил и торопливо повернул вентиль, уничтожая тонкий огонёк света.

– Что такое? Девушки хотят горячей пищи!

– Похоже, нас закупорило плотно. Нет доступа воздуха. Нужно срочно искать выход, идти дальше, на другую сторону, может, там завалы не такие сложные.

Макс, в другое время непременно ужаснувшийся бы, сейчас слушал в пол уха. Им овладело странное беспокойство. Прямо перед ним, на стене, была начертана руна внутренней свободы! Открывающая нечто, ведущее как наружу, так и во внутрь – так объяснял значение непонятной закорючки ему, ещё совсем маленькому, дед. И два отпечатка ладоней – как ключ активации. Вернее, ладони человека – и звериной лапы. Но почему никто их не видел? И на фотографии, которую им показывали в общаге, был совсем другой рисунок! Впрочем, он сам был не уверен в том, что видит – картинка плыла, словно покрытая слоем текущей воды.

Проводник тем временем, торопливо сбросив поклажу,

велел остальным ждать и нырнул в очередной лаз. Несколько парней, поколебавшись, устремились за ним. И тут стены подземелья дрогнули, словно от землетрясения – и принялись осыпаться, отрезая оставшихся в зале от остального мира.

Макс торопливо подскочил к стене и приложил ладонь к отпечатку другой, чужой ладони на рисунке. Почему-то ему казалось: это самое важное сейчас – и он может опоздать. Что-то кричали девушки, рушился камень – а сибиряк колебался, глядя на второй отпечаток – звериной лапы. Наконец, решившись, аккуратно положил ладонь на след когтей – и застонал от боли. Словно тысячи игл впились в руки. Что-то начало происходить в подземелье, древние круги пришли в движение, закружились, каждый в свою сторону – и под ногами Макса и испуганно сгрудившихся в центре зала студентов раскрылся тёмный, хищный провал...

Макс был стройным и обманчиво хрупким. Родившись в семье сибиряков, людей крепких и статных, он с самого рождения рос худым и щуплым – по крайней мере, в глазах своих родственников. С рано испортившимся зрением, с тонкой, почти девичьей талией и вечно мешающими ему руками Макс так же отличался от сбитых, крепких фигур отца и старших братьев, как обычная собачонка выделяется в стае волкодавов.

Попадёт такая в свору кудлатых здоровяков, способных

в одиночку справиться с матёрым хищником – и вынуждена всегда быть на вторых ролях, ловя на себе снисходительно-жалеющие взгляды...

Отец не раз вздыхал, пробовал брать с собой на стройку, где работал прорабом – но Макс с трудом ворочал и один мешок с цементом. Где ему было, по молодецки свиснув, подхватить сразу два и легко сбежать с ними на верхний этаж новостройки, как беспечно делал его предок...

Он любил ходить с братьями в лес – долгие ночные переходы по тайге, выстрелы на вскидку, ориентируясь не столько по цели, столько по интуиции и движению – всё это было необычайно увлекательно. Однако тащить день за днём рюкзак, битком набитый обломками с вкраплениями опала, нефрита и других полудрагоценных камней, тратить время в узких штреках, орудуя кайлом, накручивать круги по квадратам, выискивая женишень – всё это выматывало его, вызывая внутренний протест. Братья вздыхали и всё чаще выдумывали предлоги, что бы отказаться от "маломощного балласта"...

В конце концов глава семьи плюнул и отправил отпрыска в Москву – учиться, благо науки всегда давались "хлюпику" легко и он смог поступить в институт – пусть не в самый престижный, но зато близкий отцу по специальности.

– Зодчие у нас в роду всегда были, давай учись. Глядишь, будем строить здания по твоим проектам. За лето в лесах женишень достаточно набрали, оплатить учёбу хватит.

А там, глядишь, человеком станешь. Тебе головой нужно себе на жизнь зарабатывать – руками ты разве что на хлеб с квасом наработаешь... – И снисходительная усмешка в глазах отца резала сердце почище острого лезвия.

Привыкший во всем слушаться более авторитетных и крепких родичей, Макс послушно отправился в столицу. Прошло совсем немного времени, он только начал привыкать к жизни в суматошном, вечно куда-то спешащем городе, у него появились новые друзья, среди которых он, на своё удивление, выглядел крепышом – как симпатичная одноклассница потащила его в этот диггер-поход...

Сознание возвращалось неохотно, рывками. Чернота раскрывающейся бездны, страх быть погребённым под каменным обвалом – и странные, непонятные круги перед глазами. Мелькнула и пропала морда незнакомого зверя – гигантская, закрывающая весь обзор: узкие вытянутые вверх глаза, длинный приплюснутый нос и огромные, тонкие уши с кисточками на концах... Вновь разноцветные круги – и небо! Странное, чужое небо улыбалось оторопевшим людям, лежавшим на вершине пологого холма, со всех сторон окружённого растительностью. Розовое, с фиолетовыми прожилками облаков, оно могло бы быть даже красивым, но было абсолютно чужим – и потому пугающим.

Кто-то ойкнул, кто-то застонал – и люди стали подниматься, неуверенно озираясь... Девушки испуганно смотрели во-

круг, одна явно была готова устроить истерику, но тут высокий, спортивного сложения парень уверенно вышел вперёд, оглядываясь по сторонам.

– Похоже, нас забросило достаточно далеко от дома. На всякий случай будем считать, что мы попали в глухие места, не связанные с цивилизованным миром. За неимением более достойных кандидатов, назначаю себя вашим командиром и объявляю о необходимости как можно быстрее привести себя в порядок, определиться со сторонами света и двигаться в направлении возможных поселений, ища дороги и другие признаки жизни.

Он снисходительно оглядел своих попутчиков, задержавшись презрительным взглядом на Максе и ещё одном щуплом пареньке – единственным представителям, кроме него, мужского пола. Почти вся группа отважных диггеров была набрана в архитектурном институте, где учился Макс – этот же качок явно был с физкультурного отделения.

Тот уловил направленные на него взгляды и, уверенно подбоченясь, направился вниз с холма.

– Стой. – Макс сам удивился собственной уверенности. Впрочем, вокруг него был лес – пусть со странно тёмной, но всё же зелёной листвой, пусть незнакомый – но всё же лес.

– Не спеши. Если места глухие, наверняка местное зверьё непуганое и может напасть. Никуда не ходить по одному, минимум – двое, лучше – трое. И у каждого должно быть оружие!

Парень вновь улыбнулся.

– А кого мне брать для поддержки, тебя, что ли? – Он заржал, вызвав снисходительные улыбки на лицах девчонок (сочувственная усмешка Насти резанула сердце), и ловко вытащил из кармана перочинный ножик. Лезвие сверкнуло на солнце – новоявленный командир уверенно принялся спускаться к кустам, на ходу бросив:

– Я на разведку! Посмотрю, можно ли под этими деревьями пройти и нет каких-либо тропок.

Макс огляделся. Люди находились на вершине холма, в который вросли несколько валунов и камней поменьше – но все деревья теснились у его подножия, а от скал не было возможности отломить даже небольшой осколок, мало-мальски подходящий под оружие. Одна из девушек, поколебавшись, вытащила из сумки газовый баллончик.

– Вот. Перцовый. Подойдёт?

Сибиряк отрицательно помотал головой.

– Не больше чем перочинный нож. Это крупного зверя только разозлит. Даже если удастся попасть ему в глаза, он начнёт вслепую мотаться по поляне, выискивая обидчика. Тут нужно что-то, позволяющее держать его на расстоянии – крепкая длинная палка, например. Ещё лучше – рогатина или копьё. Всё это можно было бы сделать прямо здесь, на опушке, прежде чем соваться в гущу деревьев. Ладно, будем надеяться на лучшее. И в тайге, бывает, месяцами нужно ходить, прежде чем встретишь рысь или тигра...

Но тут раздался громкий то ли рёв, то ли шипение. Звук – словно гигантской кошке кто-то наступил на хвост. Впрочем, почему кто-то? Виновник переполоха уже мчался обратно на вершину холма, испуганно втягивая голову в плечи, когда из-под полога леса вслед за ним выскользнула на свет огромная фигура. Выскочила – и замерла, оценивая обстановку. Гибкая, полная странной грации – несмотря на тёмные, ороговевшие пластины брони на боках, она поражала странной смесью ловкости и силы. Казалось, с черепахи сняли панцирь, разрезали самым причудливым образом, украсив острыми шипами – и снарядили этим огромную рысь, увеличив всё это до размеров буйвола. Глядя на ажурную броню и перекатывающиеся под ней мышцы, не у кого не возникло сомнения – в случае опасности все эти пластины легко встанут друг в друга, образуя твёрдый, усыпанный шипами холм. Вот только воображение отказывалось понимать – от кого вынужден защищаться столь причудливым образом такой мощный и явно опасный хищник?

Огромная тварь зевнула, показав оранжевую глотку, ряд острых зубов с внушительными клыками – и села на землю прямо под деревьями, устремив внезапно ставшим спокойным, почти сонным взгляд на убегающую жертву.

Спортивный парнишка, почти добравшийся до валунов, внезапно застыл. Тело его замерло на полушаге в положении, исключающем всякую возможность равновесия, рот раскрылся в беззвучном крике – он, медленно взлетев над

землѐй, принялся дрейфовать в сторону раскрытой коша-
чьей пасти – и жѐлтых, немигающих глаз.

Когда до жертвы осталось не более трёх метров, зверь прыгнул – и принялся терзать неподвижно висящее в воздухе, ещё живое тело, во время этой экзекуции так и не сумевшее издать ни одного звука. Белоснежные клыки тут же покраснели, кровь хлынула во все стороны...

Одна из девушек съежилась под камнями – её стошнило. Гигантская кошка тут же подняла треугольную голову. Уши, встав торчком, безошибочно уловили источник звука, разглядев движение меж камней; взгляд твари снова стал сонным – а девчушка, замерев на вздохе, медленно взмыла в воздух, уставившись на людей полными ужаса глазами... поплыла прямо к оскаленной, залитой дымящейся кровью пасти...

Макс вскочил и кинулся вниз, с холма – навстречу кровавой бойне внизу. Нет, он не был самоубийцей, и чётко понимал свои шансы – но девушка, которая сейчас смотрела на него широко открытыми глазами, полными слѐз – этой девушкой была Настя! Оцепенение, хватившее его при виде висящего в воздухе парня и гигантского хищника, владеющего левитацией, схлынуло – и в душе разгоралась ярость предстоящей схватки. Он не строил иллюзий: нападение с голыми руками – перцовый баллончик, сжатый в ладони, считать явно не стоило, означало немедленную и жуткую смерть. Разум нашептывал совершенно другие действия –

пересидеть за камнями, дождавшись, пока гигантская тварь насытится, тихонько уйти по другому склону холма, первым делом обзаведясь каким-нибудь приличным оружием, и попытаться спасти оставшихся в живых. Но сознание отступило перед первобытной яростью, проснувшейся в нём при виде дикого хищника, расчётливо выбирающего себе кровавую жертву. Подбежать, полоснуть струёй баллончика по глазам, заставив страшную кошку выпустить жертву – и протянуть как можно дольше в схватке с незнакомым монстром, давая Насте возможность вновь укрыться за камнями... Этот план не оставлял ему никаких надежд – зато давал их красивой девушке, учившейся на параллельном курсе и не замечавшей худого, нескладного парня, робко на неё поглядывающего...

Сибиряк издал воинственный крик, привлекая к себе внимание, заставляя противника отвлечься от неспешного подтягивания к себе очередного "лакомого кусочка" – крик, внезапно закончившийся полустоном, полурычанием – кошка мотнула головой, отчего девушка кубарем покатилась по склону и устремила свой взгляд на подбегающего к ней парня. Краем глаза Макс успел увидеть, как безвольно лежит Настя – она явно или потеряла сознание, или была не в силах пошевелиться – когда странная тяжесть навалилось на тело, приковывая к земле, лишая последних сил, помрачая разум. Было трудно пошевелить даже пальцем, подумать о чём-то кроме медленно и лениво приближающихся гигант-

ских клыков, залитых человеческой кровью...

Не осталось ни сил, ни чувств, разум словно заснул, и эмоции притупились, заставляя воспринимать окружающее как сон – лишь только ярость, первобытная ярость зверя, сражающегося за свою стаю, за свою самку, не желала сдаваться, разгораясь где-то в груди парня буйным костерком.

Кошмарная тварь двигалась не спеша, словно танцуя, или исполняя какой-то древний ритуал. А может, просто растягивая удовольствие – заглушив первый голод, она могла себе это позволить. И, встретившись с оранжевыми глазами зверя, Макс понял: она знает о нём, о его нелепом плане, об остальных людях – там, на вершине холма, и не остановиться, пока не уничтожит всех, наслаждаясь страданиями нелепой двуногой добычи. Одного за другим, съедая мозг и запивая свежей кровью...

Чужое знание вошло в разум человека, но не наполнило его ужасом – казалось, предел дрожания от страха был пройден, лопнул под напором ненависти и животной, звериной ярости к наглому врагу, посмевавшему играть с ним, как кошка с мышкой – волна бешенства омыла застывшее тело, наливая мышцы и суставы силой, первобытным напором, меняя, переделывая... Всё вокруг стало размытым, мироздание внезапно уменьшилось до размеров точки – и вновь развернулось, но теперь он уже был свободным – и сильным!

Люди, наблюдающие за застывшим парнем, внезапно увидели, как его тело окуталось пеленой, затуманилось – и стало

расти, обрастая шерстью и осыпая землю обрывками одежды. Крик, доносившийся со склона холма, стал низким и сменился звериным рыком... Огромный, чёрный с серыми подпалинами медведь прыгнул на застывшую в удивлении кошку, не готовую из охотника стать добычей – и, не обращая внимания на хлынувшую из разодранной в клочья от шипов шкуры крови, принялся рвать на части куски брони кошки, добираясь до тёплой плоти... Инопланетный монстр заревел, метнулся вперёд – и два тела, сплетясь в клубок, принялись кромсать подлёсок и друг друга...

Зрители, наблюдающие за схваткой, затаили дыхание – и не только на вершине холма...

Дикий рык взвился над схваткой, но в нём всё чаще доносился торжествующий рёв медведя – и жалобное повизгивание большой кошки... В чёрной жёсткой шерсти когти монстра путались, застревая в клубках кожи и тугих мышцах, а небольшие, но сильные лапы медведя легко выворачивали пластины брони, погружаясь в чужую плоть, как в масло, вырывая куски, добираясь до жизненно важных органов. Врут те, кто говорит, что время в такие моменты останавливается – скорее оно спрессовывается в наполненные жизнью мгновения, заставляя попавших в них проживать всё гораздо плотнее, чувствуя каждую секунду, словно час...

Для остальных всё спуталось – огромный медведь прыгнул вперёд, слившись на несколько мгновений в единое целое с белоснежным бронированным монстром и вот уже

окровавленный чёрный зверь встаёт над поверженным противником, оглядывая мир залитыми кровью глазами...

Люди, радостно высыпавшие на вершину холма из-за скал, остановились: странный медведь, весь в ошмётках бурой крови, увидев двуногих, рыкнул и ринулся на новую добычу. Ярость, бушующая в груди зверя, требовала выхода. Немного косолапя, он стремительно взбирался на холм, выбрасывая из-под лап куски дёрна... Земляне кинулись врассыпную, но тут из кустов наперерез бурому хищнику выскочила поджарая фигура совершенно седого волка. Белый как лунь зверь встал на пути несущегося навверх Макса – и поймал взгляд налитых кровью глаз... Медведь притормозил, занося лапу для удара – и застыл, заморожено разглядывая в чужих зрачках собственное отражение. Своё человеческое "Я".

Детство и щемящие душу походы в лес. Реже – с родственниками, чаще – одному, в ночную пору, слушая ароматы лесной чащи и любясь полной луной. Неловкость в потасовках со сверстниками – словно боясь смять, покалечить хрупкие человеческие тела – неловкость, прочно вошедшую в его жизнь. Слабость его земного обличья – обратная сторона сила и гибкость оборотня высшего круга. Ярость зверя – тщательно подавленная, скрываемая ото всех и прежде всего от самого себя животная часть своего естества, настолько мощная и цельная, что не смогла пройти слияние с людской ипостасью, отгородившись от неё, сделав человека более чистым

и уязвимым, а Зверя – более мощным. Дикая и неистовая, но вполне контролируемая вторая часть живущего на две стороны... Судорога вновь свернула пространство, туманя зрение ошарашенным наблюдателям и вот уже две фигуры встают с земли, два обнажённых силуэта: Макса – и какого-то старика.

Шаман Ирк'х, бывший глава рода Сломанной ветви, был встревожен. Станные сны, необычные предчувствия, неясная тревога – он не понимал, что происходит. Гадательные руны отказывались служить, огонь священного костра исправно пожирал жертвы, но отказывался говорить, зверёк – помощник дрожал и тянул вглубь лесов, в зону диких тварей. Наконец Ирк'х сдался и, поручив племя заботам младших шаманов, последовал в чащу, следуя неопределённому предчувствию и подсказкам своего крига.

Состояние внутренней чистоты, делающее его невидимым для тварей, опасных и для посвящённого высшего уровня, помогло дойти до неясной цели предчувствий – холма каменных врат, расположенного в зоне охоты касадга, одной из наиболее опасных тварей среди дикой чащи. Ирк'х вздохнул и принялся устраивать малый круг опеки – сферу, в которую местная живность не сунется своими ментальными щупальцами. Сбор трав, настоящий на эскриментах самых пахучих зверей леса, плюс ворожба крига и естественное защитное укрытие местности – и можно было ждать, ни о чём не бес-

покоясь. Что шаман и сделал, потому что твёрдо знал – если сюда забредёт зверь, способный преодолеть круг опеки, волноваться уже будет незачем – поздно. На второй день ожидания Ирк'х почувствовал как беспокойство, разлитое в воздухе, стало закручиваться в тугую спираль. Словно кто-то всё сжимал и сжимал невидимую пружину, собирая в одну точку вселенские силы. Поднялся ветер, взметая пыльные вихри вокруг оскаленных скал. Когда казалось, что природа не выдержит и деревья вместе с валунами сорвутся в гигантский хоровод, кроша друг друга в мелкую пыль – но всё закончилось едва ли не быстрее, чем началось. Солнце, выглянув из-за нахмуренных туч, осветило успокоенный холм – и на его вершине заискрились в остатке хоровода серебристые пылинки. А в тот момент, когда последняя упала на землю, среди камней стали появляться лежащие фигуры – одетые в пёстрые раскрашенные одежды, но вполне похожие на хлоев.

Ирк'х с улыбкой наблюдал за их первыми шагами в незнакомом мире, ожидая, когда они проявят себя, позволят оценить свои силы и способности. Но время шло и никто из пришлых не спешил надевать шкуру. Неужели ущербные? Иногда такие появлялись или рождались среди их народа. Предоставленные сами себе, они погибали очень быстро, не способные дать слабое, больное потомство. И это было правильно. Он полностью укрепился в своём мнении, когда один из чужаков, не сменив облика, направился в лес, размахивая искусственным, нелепым, тонким когтем – даже ре-

бёнок из народа хлоев легко выбил бы его из руки слабого пришельца, перебив и коготь, и руку. Шаман совершенно не удивился результату, услышав рёв вышедшего на охоту касадга, и увидев магическую атаку опасной твари. Ирк'х лишь прикрыл глаза и устроился поудобней внутри круга опеки. приходилось ждать, пока касадг утолит жажду крови и, прикончив чужаков, заляжет в спячку. Он почти поверил, что предчувствия его обманули – когда услышал чужой, незнакомый рык и, открыв глаза, увидел небывалое: один из пришельцев сменил шкуру и кромсал опаснейшего из хищников леса, словно ребёнок свою первую добычу. При этом его боевая ярость затмевала достижения воинов народа хлоев, а презрение к собственным ранам – умения шаманов. Как замороженный, наблюдал за схваткой, впав в транс, позволяющий замечать и различать малейшие оттенки происходящего. Но лишь когда воин начал подниматься на холм, Ирк'х понял: тот впал в боевую ярость и теперь опасен всем без исключения, даже своим спутникам. Зверь в нём победил человека, и требовалось умение его, верховного шамана высшего круга, чтобы вернуть воина с тропы священной схватки. Не раздумывая, прервал круг опеки и встал перед впадшим в безумие чужаком. Поймав его взгляд, велел кригу соединить сознания в единую цепь – ментальную, однако в эти мгновения более прочную, чем стальная.

От единства взглядов – к единству чувств. От единства чувств – к единству разумов. Старый шаман расслабился,

противопоставляя напряжению воина – собственную мягкость, его неистовству – безмятежность, его зверю – собственную человеческую суть. Ярость воина потекла в него бурным потоком, но он привычно умирнял его, подавляя в себе вспышки эмоций. Ирк'х позволил чужой душе заглянуть в свою, распахнув её как можно шире – и заглянул в чужую, жадно впитывая образы незнакомого мира. Это было захватывающе, но гораздо важнее было уловить момент, когда чужой мозг успокоиться и начнёт искать выход из незнакомого места, в котором очутился. Именно тогда шаман подбросил в чужое сознание свою любимую картинку: себя самого, совсем ещё юного волчонка, впервые ощутившего потребности разума и решившего сменить облик в поисках истины и гармонии. Ощущение мягкости внутренней сути, позволяющей преобразоваться в новую форму, более совершенную в ментальном плане, хотя и проигрывающую в физическом. Одновременно он мягко начал собственный переход, удерживая чужое сознание – и с удовлетворением почувствовал, что оно следует за ним.

Ярость, застывшая рассудок, внутренний огонь, позволяющий быть самим собой – и кем-то ещё, пропали, и Макс ощутил себя прежним – угловатым, нескладным пареньком, стоящим на склоне холма... совершенно голым.

– Блин! – Не обращая внимания на окружающее, он бросился к остаткам собственной одежды, живописно разброшенной по склону. От рубашки остались только ни на что

не пригодные лоскуты, но брюкам неизвестно почему повезло больше. Торопливо драпируясь ажурными лохмотьями, парень бросил взгляд в сторону леса – и замер. Внизу, у подножия холма, словно прошёл массивированный огонь артиллерии, пропахав почву, изломав и изрядно проредив росший там кустарник и деревья, и вдребезги раскатав страшную прежде гигантскую кошку. Всё было в крови, обломках брони и обрывках белоснежной шкуры. Но странно – при виде валяющихся кусков мяса Макс испытывал необычное, доселе неизведанное чувство внутреннего торжества и какого-то животного удовлетворения. Он даже шагнул поближе, разглядывая место неистового сражения – когда увидел чудом уцелевшую голову спортивного парнишки, первым попавшего под действие незнакомой магии.

Все мысли и чувства разом вылетели из головы человека, он согнулся в три погибели – его стошнило. Чьи-то крепкие руки приподняли его голову, поддерживая на весу. Жёсткие пальцы пробежались вдоль спины, нажимая на точки у оснований позвонков – сразу стало легче, голова прояснилось, спазмы отступили.

– Настоящий воин не должен выражать свою скорбь столь открыто. Вначале ты должен позаботиться о своих спутниках, среди них немало самок, и они в шоке. А потом мы похороним твоего друга и ты, если пожелаешь, сможешь повторить свой странный ритуал.

Макс оглянулся – возле него, поддерживая его под руки,

стоял незнакомый ему человек, говорящий на странном языке, певучем и щёлкающем одновременно – и Макс его понимал!

– Что произошло? Кто вы? Это вы нас выручили?

Но тут у края поляны зашевелилась пришедшая в себя Настя, все вопросы пришлось отложить на потом, приняв как должное принятую помощь и бежать успокаивать, ободрять, утешать...

Через несколько часов на вершине холма горел небольшой костерок, разожженный успевшим одеться и поделиться странной, чуть мешковатой, но удобной одеждой с сибиряком пришельцем, кипел в небольшом котелке травяной сбор, один запах которого прояснял мысли, а несколько глотков позволяли расслабиться и успокоиться. Все собрались вокруг этого оазиса тепла и мира, протягивая руки к огню... При этом пришельца, так и не проронившего ни одного слова, всё делавшего молча, знаками показывая остальным, что именно он предлагает, все сторонились – но ещё больше сторонились Макса. Девушки старались сесть так, чтобы огонь был преградой между ними и оказавшимся обратным парнем, таща за собой чуть пришедшую в себя, ничего не понимающую Настю... Да и оставшийся в живых паренёк, которого, кажется, звали Вадимом, держался от него подальше.

Останки их предводителя, столь торопливо умчавшегося на разведку, были похоронены тут же, среди камней, в неглубокой яме, с наваленными сверху камнями. Имени его никто

не знал, так что просто нарисовали на куске скалы над ним крест – и дату.

Теперь же, все сидели растерянные, переживая шок и потерю – и запивая всё это травяным настоем, который никто бы не рискнул назвать чаем...

– Меня зовут Ирк'х, я глава рода Сломанной ветви народа хлоев, шаман в пятом поколении. Ближайший посёлок моего народа в трёх днях пути отсюда – вон в той стороне. Посох странного пришельца, на этот раз заговорившего по-русски – довольно чисто, но со странным, певучим акцентом, махнул рукой в сторону горизонта, где медленно садилось заходящее солнце.

– Поохотиться сегодня не удастся – бой вашего товарища с касадгом распугал всё зверьё в дне пути вокруг, но у меня есть пища, вполне пригодная для ваших желудков – угощайтесь.

Он пододвинул к себе котомку и принялся выкладывать на расстеленную ткань куски мяса, странные лепёшки с травами и непонятного вида фрукты...

– Где мы? Кто ты, и откуда ты знаешь наш язык? – Макс выпалил давно вертевшиися у него на языке вопросы на одном дыхании, но, услышав собственную гортанную речь и глядя на вытянувшиеся лица спутников, понял: он говорит не на русском...

Странный шаман улыбнулся.

– Ты здорово пугаешь своих спутников. Помолчи, я по-

пробую рассказать тебе, да и всем вам, где вы оказались и что с тобой произошло. Во-первых, вы не из этого мира. Такое, редко, но бывает, и хотя я раньше никогда этого не видел, но знаю о вратах миров – вы прошли через такие. И, если хотите выжить, придется приспособливаться к здешним условиям, принимая как должное некоторые факты – для вас дикие, но для нас естественные. У нас уже были пришельцы. Почти все они были в ужасе, узнав, что мой народ, а зовёмся мы Хлои, умеет менять шкуру. Это значит – мы можем становиться зверьми, когда в том возникнет необходимость.

– Вы – оборотни? – Это вырвалось у одной из девушек – стройной смуглянки с чёрными как смоль волосами. Она смотрела испуганно, но не так недоверчиво, как остальные.

– Оборотни... Подходящее слово. Мы действительно можем оборачиваться зверьми, любой житель нашей земли может становиться волком, а шаманы – ещё некоторыми другими животными. Но никто не может превратиться в столь мощного хищника, как ваш товарищ! Ирк'х уважительно коснулся плеча Макса, отметив про себя, как передёрнуло лица его спутников.

– Вы живы, потому что он нашёл в себе корни древних сил. Если бы не его атака, я не стал бы вмешиваться и касадг уничтожил бы всех вас. Не спешите меня осуждать – у меня просто не было бы шансов, слишком уж опасный хищник вышел вас встречать. Такой способен справиться и с десятью воинами народа хлоев. О вашем друге и его звере скоро нач-

нут слагать легенды!

– Но вы говорите по-русски! – На этот раз Макс следил за собой – и фраза, произнесённая им, была понятна всем. Но почему у него на языке вертелись совсем другие слова?

– Ты сменил шкуру в первый раз. – Старый шаман смотрел пристально, и чуть удивлённо – Начинать оборачиваться лучше с детских лет, приучая себя находиться сразу в двух состояниях ума одновременно – иначе одна из сторон твоей натуры возьмёт верх и ты можешь навсегда позабыть путь назад. Чтобы помочь тебе, мне пришлось соединить наши сознания, указывая тебе дорогу обратно. Они слились, и многие навыки твоего и моего мира стали общими – в том числе и язык. Я более тренирован, чем ты – и узнал больше. Теперь я могу, например, работать на компьютере, но не знаю, что такое этот ваш комп и где его взять – просто перед глазами непонятные строчки символов и руки тянутся нажимать на какие-то чёрные точки. Что это – вид массажа?

Это было уже слишком. Дружный смех разрядил обстановку, заставив языки пламени взметнуться ввысь, распугивая подступавший сумрак. Ирк'х нахмурился было, однако промолчал, вслушиваясь во что-то внутри себя – и присоединился к остальным. Отсмеявшись, все стали смелее. Вопросы посыпались как из рога изобилия, хотя получаемые ответы изрядно обескураживали. Нет, как вернуть их назад, Ирк'х не знает. Возможно, кто-нибудь из других шаманов? Возможно. Нет, у нас ни телег, которые едут сами по себе, у

нас нет ружей, нет, мы не летаем в небесах, и не используем животных, чтобы ездить верхом...

С каждым новым «нет» лица ребят мрачнели – похоже, их занесло в какой-то совершенно отсталый мир, где до сих пор верят шаманам и пользуются луком и стрелами. Надежды поскорее вернуться домой таяли, как снег под апрельским солнцем. Наконец Вадим, пододвинувшись поближе к шаману и посматривая на него уже свысока – сказывалось превосходство жителя технологического мира, спросил:

– А, может, у вас есть магия?

Старый шаман замешкался, обдумывая ответ. Все затаили дыхание – неужели они попали в сказку и перед ними сидит могущественный маг, вырядившийся в шкуры исключительно по собственной прихоти?

– В нашем мире есть магия, но она неподвластна людям и вообще разумным существам. К нам попадали пришельцы из других миров – у себя на родине бывшие могущественными волшебниками, способными двигать горы. У нас же такие не могли разжечь огонь. Чтобы вернуться обратно в свои миры, они использовали заклинания, спрятанные в неживых предметах...

– В артефактах? – Глаза Вадима горели. Он слушал сказку.

– Они называли их и так. Но долго у нас никто из них не задерживался. Любой пришелец в нашем мире бессилен перед природой и созданиями, её населяющими. Поэтому они

предпочитают поскорее вернуться в свои миры, оставив нас собственной судьбе... Животные, населяющие наши леса, с отличием от всех остальных, владеют магией. В достаточном объеме, чтобы защищаться и нападать, уничтожая всех, кто не может им противостоять...

– Все звери? – Земляне были поражены. Недоверие и скептицизм светились в устремлённых на старого шамана взорах. – Они владеют магией, а вы – нет? Тогда почему вы ещё живы?

– Каждый наш город окружает сложная система ловушек, реагирующая на любой шорох, на малейшее дуновение ветра. Всё это сделано из специальных материалов, которые трудно остановить магией. Конечно, это срабатывает не всегда, но срабатывает. Крупным животным трудно проникнуть сквозь наши заслоны, однако и мелочь может доставить достаточно неприятностей. Схватки не на жизнь, а на смерть не редкость и в крупных городах, что же говорить про маленькие поселения вроде деревни нашего рода. Тогда происходит то, что произошло с вашим другом – он уважительно кивнул в сторону Макса, с отрешённым видом потягивающего травяной сбор – тот единственный отказался от незнакомой пищи, чувствуя себя необычайно сытым – и теперь сидел, уставившись в пространство, вслушиваясь в странную речь.

– Оборотень на пике ярости способен сопротивляться любой магии. В этот момент он ближе к животному, чем к человеку – и хотя колдовать не в силах, тем не менее заклина-

ния не причиняют ему вреда. Именно это свойство помогло нашему народу выжить в те времена, когда разум только зарождался и своё право на жизнь нужно было доказывать силой... Да помогает и сейчас.

Все потрясённо молчали, только Настя, которая не принимала участия в похоронах и обустройстве лагеря – укрытая принесёнными шаманом шкурами, приходила в себя, стараясь поскорее забыть приближающуюся оскаленную пасть, открыла глаза и тихонько сказала:

– Когда вы разжигали костёр... вначале я думала, что это была просто зажигалка, но теперь. Как без магии, вытянув руку в сторону веток, можно разжечь костёр?

– Почему же без магии? – Старый шаман улыбнулся и полез себе за пазуху. Когда его рука вынырнула наружу, в ней сидел небольшой чёрно-рыжий зверёк, больше всего похожий на белку – треугольная головка, длинные нос и уши с кисточками на концах – и величиной со всего зверька пушистый мягкий хвостик, которым он обернулся, внимательно рассматривая пришельцев чёрными бусинами глаз.

– У народа Хлоев мало друзей в животном мире. Но один точно есть это – криги, не столь разумные, как мы, но зато наделённые магией. Они издревле селятся рядом с людьми – и их детёныши, наблюдая за нами, находят того, кого готовы боготворить, привязывается к нему и вполне в состоянии угадывать желания, по мере своих небольших сил выполняя их. Многие малыши не могут – не разжечь огонь, просушить

одежду, найти нужную вещь... Каждый хозяин просит крига о своём – и тот старается выполнить его желания. Если конечно, хозяин любит его и заботиться о нём – фальшь криги чувствуют и избегают хлоев с чёрствым сердцем. Таким приходится несладко.

– Можно? – Настя протянула руки и местный образчик белки с удовольствием прыгнул в протянутые ладони, принявшись тереться о чужие пальцы, словно кошка – о человеческие ноги.

Ирк'х с некоторым удивлением следил за собственным кригом, словно не узнавая своего друга. Тот явно делал что-то необычное. Небольшая белка взглянула на своего хозяина, смешно взмахнув лапкой – и тот неуверенно улыбнулся.

– Похоже, Настя, вы ему понравились. Подержите его на руках, это успокаивает разум и проясняет мысли. Криги могут и лечить, но обычно они готовы на подобное только в отношении своих хозяев.

– А разве вас нужно лечить? – Вадим пристально глядел на Макса, рассеяннo глядевшего на огонь – несмотря на усталость после драки, на коже парня не было ни царапины!

Шаман улыбнулся.

– У оборотней в минуты опасности резко ускоряется метаболизм, что способствует почти мгновенному заживлению ран, но поверьте, у живущих на две стороны хватает своих, специфических болезней, которые не вылечишь ускоренным заживлением. Например, иргиева опухоль, по-вашему, рак –

она есть почти у всех живущих на две стороны, это оборотная сторона ускоренной регенерации. А эти малютки неплохо с нею справляются, да и не только с нею. Они неплохие помощники почти в любой профессии, им нужно только суметь объяснить, что от них требуется. Портным они помогают шить, поварам готовить, шаманам – учить воинов идти по пути битв и свершений. Именно мой криг сумел объединить наши сознания и помог вывести вашего друга с тропы зверя. На этот раз...

Макс, до этого безучастно следивший за разговором, вздрогнул.

– А что будут ещё и другие?

Ирк'х утвердительно кивнул.

– Ты не житель земли хлоев, однако твои способности менять шкуру, разница между человеческим и звериным обликом – всё выдаёт в тебе высшего оборотня. Такие всегда должны бороться со своим внутренним зверем – и либо победить... либо ещё одним безмозглым зверем на нашей земле станет больше.

– Тогда мне тоже нужно обзавестись подобным зверьком! – Глаза сибиряка и странной белки встретились – и оба увидели любопытство, вспыхнувшее в чужом взоре.

– Если кто-то из молодых кригов заинтересуется тобой, то подойдёт сам. Но любой, даже самый лучший из маленьких помощников, не может заменить тебя в поединке с самим собой. Эта битва – только твоя, и ничья больше. Сумеешь

устоять – и мой народ будет гордиться знакомством с тобой. Нет... что ж ещё одной страшной сказкой на нашей земле станет больше. Но хватит на сегодня – давайте отдыхать, и ничего не бойтесь. Всё зверьё в округе бояться подходить к месту смерти касадга. Правда, память у него короткая, так что через пару дней здесь вновь станет опасно. Поэтому уже завтра нужно трогаться в путь.

Одна из девушек помоложе робко спросила:

– Двигаться... А куда?

– Для начала – в мой посёлок. Там вы отдохнёте в безопасности и сможете решить, каким путём вернуться в свой собственный мир. Не нужно отчаиваться – дорогу осилит идущий...

Небольшой холм, оказавшийся началом предгорий, остался далеко позади, и путников обступил лес. Здесь не было ни нахоженный путей, ни даже троп – разве что звериные, но ходить по ним Макс своим спутникам запретил категорически, при активной, но молчаливой поддержке старого шамана. Тот с самого начала взял на себя функции охранника. Вручив свою кладь Вадиму, он неторопливо разделся, оставшись в тонкой вязанной рубашке, облегающей его тело. Очертания его поплыли, и вот уже седой, но поджарый и крупный волк бежит впереди маленького отряда, показывая дорогу, периодически скрываясь в подлётке, отпугивая мелких хищников леса. Пару раз из кустов слышалась

подозрительная возня, однажды волк появился весь в чужой крови, гордо волоча тушку небольшой косули – но в целом день прошёл спокойно. Девушки ныли и плакали, возмущаясь тяжёлой дорогой, поломанными с первых минут каблучками, которые Макс, после некоторого колебания, оторвал совсем... Вадим закусил губу, но молчал, таща тяжеленный мешок с вещами Ирк'ха и остатками шкуры касадга, неведь за чем тщательно собранные и розданные участникам похода старым шаманом. Максу шаман ничего не дал, пристально посмотрев на него – и тот согласно кивнул, поёжившись. Ему совершенно не хотелось вновь становиться медведем, но если другого пути защитить девушек нет... Он шёл налегке, вызывая гневные взгляды и язвительные замечания уставших спутниц – шёл в одной набедренной повязке из остатков одежды, сняв остальное и неся в руке. Его одежда сильно пострадала – сибиряк приводил её в порядок полночи, но прийти в чужой посёлок совсем голым – это Максу никак не улыбалось. От постоянного напряжения мышцы сводило, во рту пересохло, он жадно пил из всех встречных ручьёв и к концу дня оказался вымотанным не меньше, а то и больше, чем его спутницы.

Его измождённый вид вызвал новый поток язвительных замечаний – мол, один из всех идёт налегке, и выглядит так, будто всех на себе тащил. Мужик, называется.

Макс бездумно смотрел на огонь, разожженный дыханием крига, успокаивая разум и нервы. Он находился в чужом

лесу – не так росли деревья, не так лежали листья под ногами, не так ветки кустов топорщили свои сучья, бьющие по ногам. Впервые выросший у подножия тайги сибиряк чувствовал себя под пологом леса словно горожанин, приехавший на пикник и не знающий, с какой стороны у деревьев растёт мох, да и где его вообще искать...

Тяжёлая рука опустилась ему на плечо. Старый шаман не предлагал сочувствие – он сразу заговорил о том, что его тревожило, оставив сантименты на более безопасное время.

– Мы прошли сегодня очень маленький путь. Я надеялся дойти за этот день до найденных троп – там бы я мог защитить вас и один, однако... путь в диком лесу слишком тяжёл для жителей вашего мира. Мы достаточно далеки от владений касадга, да и местное зверьё забыло о вспышке магических сил, и подгоняемое пустым желудком, вновь вышло на охоту. Эту ночь огонь и созданный мной круг опеки защитит вас – но завтра... Чтобы идти дальше, не боясь потерять спутников – ты должен сменить шкуру.

Макс вздрогнул. Он не хотел – и одновременно боялся, что шаман попросит его об **этом**.

– Но... У меня получилось случайно. Нужна ярость схватки, да я вообще не знаю, смогу ли я обернуться ещё один раз. Тогда страх за спутников, страх и ярость вызвали зверя...

Ирк'х кивнул.

– И твои соотечественники стали смотреть на тебя косо. Даже та, ради которой ты побежал прямо в пасть касадга. Я

немного понимаю вас – не забывай, я был в твоём сознании. Можно подождать, как ты ждал сегодня, нападения – тогда сменить шкуру тебе будет легче. Но в прошлый раз ты потерял одного из спутников. Это может повториться, если ты будешь тратить драгоценные мгновения на то, что можешь сделать прямо с утра. Будь ты один, я бы этого не просил – просто привёл в нашу деревню, где бы ты пользовался почётом, и не спеша сам провёл бы тебя по всем кругам расщепления сознаний, даруя тебе холодный разум шамана в теле дикого зверя. Это – честь, которой удостаиваются немногие и среди нашего народа. Если хочешь, давай так и сделаем: уйдём сейчас – к утру мы будем уже далеко.

– А как же мои спутники?

Ирк'х промолчал.

– Пойми, в нашем мире они – ущербные. Калеки, не способные даже передвигаться самостоятельно по лесу. Ты хочешь всю оставшуюся жизнь быть при них нянькой, получая в ответ лишь страх и непонимание? Наши девушки будут на руках носить высшего оборотня – поверь мне, они очень быстро заставят тебя забыть о твоих подругах. Я оставил круг опеки: они доживут до утра. Это тот подарок, который ты сделаешь им. А потом – всё будет зависеть только от них самих, как и должно быть. Это единственный непоколебимый принцип всех кланов и народов нашего мира: " – Каждый должен зависеть от себя, над ним не должно быть никого, кроме чистого неба".

– А вы... Если рождаются калеки, вы бросаете новорожденных малышей в лесу?

– Нет. Негоже заставлять кого-то мучиться. Мать сама освобождает малышей от мук безрадостной, ущербной жизни. Это её право – и её долг. Несмотря не на что – даже если она потом пойдёт, не оборачиваясь, в пасть касадгу. Ты готов поступить так же?

Макс помолчал.

– В нашем мире всё не так. Я не буду решать этот вопрос – по крайней мере, до тех пор, пока у нас есть шанс вернуться обратно. Насколько я помню из слияния наших сознаний – он есть?

Старый шаман пошевелил палкой угли костра, заставив искры взметнуться вверх снопом пламени.

– Я ожидал этого. Странные создания живут в вашем мире – вы готовы сохранять жизнь кому угодно, оберегая и ухаживая даже за откровенно недееспособными индивидами. Вам жаль их, и ради этой жалости вы закрываете глаза на чистоту собственной крови, не обращая внимания на скорое угасание вашего рода от всё прогрессирующих болезней. Пройдёт около тысячи лет – и от вас останется лишь кучка калек, влачащих жалкое существование. Ваша жалость губительна, она спасает обречённых особей, но уничтожает расу в целом. И сейчас ты идёшь по самоубийственному пути, ведомый довольно призрачной надеждой. Среди нас нет магов, способных открыть порталы в иные миры – а природные... на них

надежды мало.

– Но она есть. Надежда – вот что движет людьми моего мира. Надежда – и любовь. Ни к кому-то конкретному – к жизни вообще. Какой бы она не была.

Ирк'х задумчиво кивнул, вслушиваясь в неясные воспоминания, рождённые словами этого странного оборотня.

– Пусть будет так. Ты выбрал трудную и неблагодарную тропу – так пусть же на ней ты не познаешь горечь разочарования! А сейчас ложись спать – утром я помогу тебе сменить шкуру – и ты пойдёшь среди своих соотечественников в ином обличье – для их защиты. Думаю, ни один зверь не рискнет тогда напасть на вас – но что скажут твои спутники?

Солнце медленно вставало над горизонтом, пробиваясь сквозь кроны деревьев и заливая небольшую поляну непривычным, фиолетово-жёлтым светом. Взгляд встретился со взглядом, что то прошептал непривычно сосредоточенный криг, и перед Максом распахнулся совершенно новый мир. Сознание съежилось и нырнуло куда-то вглубь души, туда, где за строгими запорами, выращенными иной средой, иными нравами, за оковами воли и страха перед запретным сладко спал Зверь. Впрочем, он ещё не уснул окончательно – возбуждённый недавней схваткой, дремал, надеясь непонятно на что... Ему снилась добыча, бои с самцами и сладкий запах самки. Почувствовав присутствие человека, потянулся, разминая мышцы. "– Ну что? Идём?" Макс сжал зубы, ощу-

щая, как в нём просыпается что-то природное, изначальное, что, думалось, уснуло навсегда, а оказалось – на время. Он нырнул глубже, в тёмные воды сознания своего второго "Я", воспринимая мир таким, каким видел его зверь – и всё вокруг поплыло, вселенная закачалась, меняясь, съеживаясь в точку и разворачиваясь вновь – но становясь совсем другой.

Теплый косматый бок качался совсем рядом, и Настя, покачивавшись, опёрлась на него, пристраивая поудобней свою долю поклажи. Медведь покосился, обнажив клыки, но не сбился со столь спокойного, уверенного шага. Его крепкая спина чуть напряглась, но тут же вновь расслабилась. Утром большой зверь был необычайно беспокойным, метался по подлеску, впитывая необычные запахи, переворачивая камни и ломая ветви. Старый шаман, идущий на этот раз в человеческом облике, насмешливо косился на пируэты взрослого медведя, ведущего себя подобно непоседливому медвежонку, впервые выведенному родителем в лес, но, уловив вопросительный взгляд необычно умных и внимательных глаз, расслабился и махнул рукой вернувшемуся к отряду Максу.

– Всё нормально. Осваивайся.

Макс никогда никому не рассказывал, но это был переломный момент его жизни. Дикий разум захватил его и понёс, подобно бурному потоку. Одинокий охотник в чужом, новом мире, который предстояло освоить – и покорить. Первая победа одержана, но врагов вокруг много, а он – один.

Незнакомые следы и метки, чужие твари, незнакомые на взгляд, запах и вкус. Они пытались нападать, пользуясь какими-то кусачими методами, но, стоило ему ощутить боль, как в душе поднималась ярость, тягучей волной смывая угрозу. Вкус у его врагов был необычный, но вполне съедобный – словно чуть протухшее мясо полили настоем из незнакомых трав. Незнакомо и непривычно, но есть можно.

Однако настоящая опасность крылась внутри – зверь оказался не то что бы силён и агрессивен. Мощен. Его желания, интересы и поступки подхватывали душу человека, швыряя её от страсти к страсти как соломинку в бурлящем потоке. Чтобы просто не раствориться в нём, приходилось прилагать немалые усилия, а управлять... Вы пробовали руками перекрыть реку? Макс съежился внутри зверя, сейчас доброго и благодушного, мечтая только о том, чтобы зверь не замечал его спутников и не рассматривал их как добычу. Тот понемногу осваивался в незнакомом мире, впитывая его всей шкурой, знакомясь с ароматами, ставя свои метки.

И тут Макс ощутил чьё-то робкое ментальное прикосновение. Кто-то, совершенно ему незнакомый, наблюдал за ним из листвы, скрываясь где-то высоко в кроне. Незнакомый – но доброжелательный, мечтающий подружиться – и помочь. Маленькое юркое сознание восторгалось громадой зверя, его мощью и силой – и склонялось перед душой человека, восхищаясь ей не меньше. Чья-то юная душа робко касалось человеческого разума, упиваясь упорядоченностью интеллек-

та, его сложностью... и умением видеть прекрасное. Макс, растроганный нежностью комочка, впустил его в свою душу и дал возможность взглянуть вокруг собственными глазами: увидеть лес, играющий незнакомыми, прекрасными красками, ощутить силу перекатывающихся под шкурой мышц – и пряность растекающихся над травой ароматов. Мир вокруг был юн и прекрасен. Он поражал человека всё новыми и новыми красками, поворачиваясь разными гранями, словно кристалл бриллианта под солнечным лучом.

Небольшое сознание слилось с ним в порыве восхищения, приняло его полностью, позволив руководить собой – и Макс ощутил себя в теле какого-то маленького, юркого зверька, накрытого пушистым хвостом. Ловкое тельце прыгало с ветки на ветку, наблюдая за идущим и отрядом и тем единственным, которого избрало само... Он моргнул, вновь ощущая себя медведем – но теперь человек не пытался перегородить ладонями реку. Разумы разных созданий объединились в едином потоке, но сибиряк при этом смог остаться главным – и ощутить себя цельным, единым, состоящим из человека, зверя – и кого-то ещё, прыгающего над его головой по деревьям. Огромные косматые ноги стали послушными, он прыгнул вбок, смешно перекатившись на мягкой травке, встал на задние лапы, отдал честь, подмигнув ошарашенным землянам и внешне невозмутимому шаману – и теперь легко бежал посреди отряда, не замечая тяжести навьюченных на него шмоток – однако ощущая нежность мягкой ладони,

лежащей на медвежьей шкуре. Жизнь налаживались.

На дорогу они вышли ближе к вечеру. Ирк'х огляделся, определяясь на местности, и уверенно вывел свой небольшой отряд к обустроенной площадке, окружённой подобием колючей проволоки и с укреплённым зданием в центре. Жестом показав людям на постройку, он направился к Макс, но тот отрицательно покачал головой. Как это было в прошлый раз? Большой зверь неуклюже лёг, положив голову на лапы, и принялся вспоминать... Найти в себе потребность разума сменить шкуру в поисках истины и гармонии. Ощущение мягкости внутренней сути, позволяющей сменить облик на более совершенный в ментальном плане, хотя и проигрывающий в физическом. Вселенная вновь принялась мягко сворачиваться, но Макс продолжал держать всё под контролем, изучая смещение пластов.

Сознание было затуманенным, словно во сне, и следить за происходящим было нелегко: всё грозило исчезнуть, съежиться, сжаться в одно крохотное мгновение, но разум человека разгонял туман, изучая малейшие детали новой стороны его натуры.

Тело зверя истончалось, становясь всё более иллюзорным, не уменьшаясь в размерах – но в плотности, внутренней сути; оно продолжало оставаться живым и деятельным, лишь по мышцам пробегали странные команды, более похожие на судороги. И одновременно Макс начал ощущать свой при-

вычный облик; тело человека было где-то рядом, за тонкой пеленой, разделяющей то, что есть, от того, что может быть – и оно приближалось, наливаясь мощью.

В какой-то миг, когда остов Макса стал настолько прозрачным, что его мог разметать и самый лёгкий ветерок, мир моргнул, разрывая непонятную завесу – и он почувствовал, как вновь наливаются силой – руки, не лапы. Время вздохнуло и вновь пришло в движение, сибиряк поднялся, подмигивая друзьям и, с молчаливого одобрения Ирк'ха отправился в лес, за топливом для костра; для него это было гораздо безопаснее, чем для его спутников.

В странном домике оказались запасы еды, воды и дров, а так же набор нехитрой посуды, вполне похожей на земную; лишь тарелки были не круглые, а овальные, словно те, кто ел тут, пользовались не только руками, но и лапами. Девушки фыркали и долго мыли и без того чистую посуду, прежде чем приняться за еду; но желание поесть в цивилизованных условиях победило, вскоре все торопливо наяривали горячую похлёбку, сваренную из незнакомого мяса, с добавлением незнакомых же ароматных трав – но по вполне земным рецептам...

Макс ел мало – скорее из солидарности, чем из чувства голода. Он был сытым – перед глазами вставала его сегодняшняя добыча – небольшие зверьки, которых медведь умудрялся поймать на ходу, выковырять из-под камней – и хищники побольше, пытающиеся напасть – но так же оказывающиеся

в его желудке. Позже, когда все поели, добровольно вызвался сторожить – тело казалось ослепевшим и сонным, зато разум был отдохнувший, словно проспавший весь день – он явно собирался бодрствовать. Макс, дождавшись, пока все зайдут в хижину и уснут, сел, спиной привалившись к двери, и принялся изучать лес за дорогой. Сегодня это мир уже не казался ему таким чужим и страшным; скользя по нему грудой обтянутых чёрной шкурой мышц, человек смог найти точки соприкосновения с незнакомой природой – оказавшейся своенравной, дикой, но вполне доброжелательной к тому, кто может о себе позаботиться...

Ночные шорохи уже не казались угрожающими. Ухо, ставшее более чутким, чем человеческое, определяло источник звука, а дремлющий в глубине души Зверь подсказывал степень опасности, довольно пренебрежительно отзываясь о местной фауне. Лишь один раз он встрепенулся, заставив Макса дёрнуться – но речь шла не об угрозе, а о вкусовых качествах промелькнувшего зверька. Медведь, утомившийся дневным переходом, всё больше погружался в сон, оставляя Макса наедине в ночными тенями, когда на площадку у дороги из кустов выпрыгнула юркая фигурка. Небольшой комочек добежал до ограждения, застыл на пару мгновений – и вот он уже растянулся в высоком и длинном прыжке над колючкой – слишком затяжном и долгом, наверняка подкреплённом магией.

Миг – и маленький зверь оказался перед человеком, рас-

кинув по земле пушистый хвост. Как зачарованный, Макс протянул руку – и зверёк тут же оказался в раскрытой ладони. Чинно усевшись посередине, обхватив для надёжности пальцы человека своим необычайно крепким хвостом, крохотная белка устремила на незнакомого великана пристальный взгляд – не высказывая ни страха, ни удивления. Кажалось, она сделала лишь то, что должна была сделать – и теперь спокойно ждала решения того, кому доверила свою жизнь. Маленькое, хрупкое создание, выбравшее себе спутника – и теперь доверчиво глядящее на него.

Он узнал его – внутренне, ощутив знакомые прикосновения. Этот крохотный разум уже соприкасался с человеческим – и звериным, объединяясь в странную цепь сознаний, дополняющую друг друга – и позволяющую не потеряться в череде превращений. Макс осторожно накрыл миниатюрное создание второй рукой – то не протестовало, лишь съежилось ещё больше, превратившись в едва заметный комочек шерсти. Словно не знало, что ждать от такого большого и опасного человека. Сибиряк осторожно принялся поглаживать по голове маленькое создание, звериным чутьём угадав, что тому нравится – чуть наискось, вдоль головы, между ушами и вдоль груди довольного пушистика, миготом расслабившегося и упавшего на спинку. Едва заметное урчание доносилось от мягкого детёныша, а хвост, продолжавшийся обвиваться вокруг пальцев человека, стал заметно нежнее...

Через полчаса успокоившийся детёныш крига заснул,

свернувшись калачиком на ладони человека, а тот, распахнув до предела зрачки глаз, принялся изучать юную кроху, избравшую его – чужака, только что оказавшегося на незнакомой земле...

Утром Ирк'х, увидев свернувшегося на руке парня и сладко посапывающего детёныша, остановился, долго смотрел, потом сказал:

– Высокое небо любит тебя, мальчик. Хотя я не хотел бы быть объектом такой любви. Криг начинает искать себе друга, лишь достигнув зрелости, с уже сформированным сознанием и своим набором магических умений. Случаи, когда малыши крига приходят к людям, можно сосчитать по пальцам... И это всегда потрясения для нашего мира. Нет. Я ничего не буду тебе рассказывать. Вы пройдёте этой дорогой только вдвоём. Вместе приобретёте странные способности и странные умения, вместе достигнете зрелости – и сможете противостоять чему-то, что будет готово причинить большое Зло... Но это будет не скоро. А пока – нам нужно идти дальше.

Дорога крутилась по лесу, постепенно заворачивая куда-то вправо. Земля вокруг неё становилась всё более топкой, кое-где виднелись лужицы воды. Лес редел, пока совсем не пропал, открыв взорам землян небольшое озеро с островом в центре. Возможно, он был природного происхождения, но руки местных жителей так основательно потруди-

лись над ним, расширяя и благоуустраивая его, что его дикая ипостась и не угадывалась, оставшись далеко в прошлом.

Жёлтая лента плавно переходила в песчаную дамбу, узкую и извилистую, надёжно соединяющую остров с сушей, но практически исключаящую возможность внезапного нападения. Несколько рядов колючих ежей с хитроумными запорами – простых для человека, но непроходимых для животных, блокировали её у самой кромки воды, да и дальше старый шаман шёл осторожно, указывая землянам на скрытые ловушки, обеспечивающие посёлку дополнительную безопасность. Вокруг самой деревни стояла высокая стена опутанная "ежами" и виднелись дозорные на вышках – небольших и приземистых, не столь высоких, сколь прочных. Едва завидев озеро, старый шаман, вызвавшийся охранять маленький отряд, и рыскавший впереди в виде волка, торопливо сменил шкуру и, забрав свои вещи из рук удивлённого Макса, оделся, впервые придавая значение своему наряду. Сложный костюм из нескольких необычных шкур, где длинный мех перемежался с коротким, а яркий, кричащий цвет – с тёмным и сдержанным, несколько рядов ожерелий из клыков необычных зверей и странных светящихся камней – Криг, торжественно восседающий на копне начинающих сидеть волос – Ирк'х выглядел величественно и строго.

Дозорные, взволновавшись было при виде странного отряда, разглядев фигуру шамана успокоились и продолжали

нести службу, искоса поглядывая на незнакомых людей – но не делая попыток поднять тревогу. Впрочем, старших они всё-таки вызвали – подойдя к воротам, Макс увидел целую делегацию, вышедшую встречать маленький отряд.

Богато одетый старейшина – в шкурах одного оттенка, с парой гигантских клинков, явно положенных скорее по должности, чем по силе; несколько воинов – старых, покрытых шрамами – ветеранов, чьё слово цениться на вес золота как на тренировке, так и на совете – опасных в битве и разумных в разговоре. И наконец, шаманы – трое убелённых сединами, но ещё крепких мужчин, со странно раскрашенными лицами, с плетёными в волосы полусветящимися камнями, бережно вели уже дряхлеющего старца, чей пронзительный взор ещё на подходе изучил каждого из землян – и намертво прикипел к Максу.

– Ирк'х! Ты знаешь правила! Чужаками занимаются хлои, обученные вести переговоры с пришедшими извне, а до той поры они предоставлены сами себе, и должны доказать свою силу и умение выжить в нашем мире. Зачем ты ведёшь их в наш дом?

Старый шаман протянул руку к котомке со шкурой касадга, которую Вадим старательно пёр всю дорогу – и жёсткая, но гладкая шерсть упала под ноги вышедшим к воротам хлопьям.

– Не стоит быть формалистами. Касадг, первый вышедший встречать чужаков, погиб в схватке один на один, меря-

ясь силой клыка и когтя. Не думаю, что у нас в деревне появиться невежа, захотевший стать вторым. Пришельцы доказали свою силу – и теперь склоняются перед чужим правом, ожидая разрешения войти. Я, шаман рода Сломанной ветви, бывший некогда её главой, на сегодня взял на себя право Голоса за этих людей. И теперь спрашиваю у своего приемника:пустишь ли ты чужаков под свой кров?

Старейшина задумался. При виде куска шкуры глаза его вспыхнули, но осторожность победила – он повернулся к воинам, адресуя к ним вопрос, звенящий в начинающих сгущаться сумерках.

Один из ветеранов вышел вперёд, рассматривая пришельцев чёрными как ночь глазами.

– Это честь – принимать у себя в деревне великого воина, в одиночку сокрушившего касадга. И хотя я не вижу, кто из чужаков мог совершить такое, но доверяю словам Ирк’ха. Если эти люди произнесут слово Гостя, им можно повести несколько ночей в нашей деревне... Отдельно от остальных, конечно.

Староста перевёл взгляд на шаманов. Те молчали, разглядывая землян. Из их одежды выглянули криги – рыжие и чёрные, каштановые и коричневые. Они сидели на плечах, руках, а то и в волосах разглядывающих людей хлоев, и их взгляд был не менее изучающ, чем взоры самих жителей этой странной земли. Наконец седой как лунь шаман, чей криг так же был ослепительно белым, выпрямился, отстранив поддер-

живающих его спутников, шагнул вперёд – но взор его, как и его крига, был прикован только к одному из землян.

– А почему молчат пришедшие извне? Или они опять будут говорить птичьими звуками, столь непохожими на язык хлоев? Откуда тогда мы узнаем истинность их намерений – и правду их Слова?

Макс усмехнулся. Похоже, сейчас наступила его очередь говорить. Тем более, что старик уже понял, кто в их маленьком отряде сменил шкуру. Суметь бы сказать так же высокопарно, угадав торжественный стиль их речей...

– Мои спутники не знают слов вашего народа. Мы попали к вам случайно, и в наших мыслях нет ненависти и вражды. Я и мои спутники лишь хотим вернуться домой, рассказав своим собратьям о гостеприимстве народа хлоев, приютивших нас, когда мы были растеряны и не знали, куда идти. Я не знаю, как звучит ваше Слово Гостя, но клянусь: ни я, ни один из моих спутников не будет причинять вред вашему народу и вашей деревне, если, конечно, их к этому не вынудят. Мы хотим дружбы и мира, а не войны.

Седой шаман усмехнулся – и кивнул головой. Он не спеша повернулся – и оправился обратно в посёление, словно потеряв всякий интерес к происходящему. Его помощники тут же оказались рядом, поддерживая немощное тело с великим духом.

Староста обрадовано затараторил:

– Мы с удовольствием примем спутников в нашем посёл-

ке, выделив им место под крышей Дома Гостя. Живём мы небогато, но поделимся с вами не только кровом, но и пищей, а так же поможем с одеждой, если вы решите идти дальше. Ваши наряды... – он покосился на платья девушек, уже начавшие превращаться в живописные лохмотья, на их поломанные каблуки. – Ваши наряды не слишком подходят для путешествий по лесам. Но, надеюсь, вы поделитесь с нами своими знаниями – и богатствами...

– Что ему нужно? – По русски спросил Макс у Ирк'ха, продолжая с улыбкой смотреть на старейшину.

– Кусок шкуры касадга. Это опасные твари и их мех высоко цениться. Подари ему кусок, который я уже достал – и можешь быть уверен в его гостеприимстве. – так же по русски ответил старый шаман, спокойно глядя на воинов, застывших у ворот.

Макс вздохнул, поднял лежащий на земле мех, который за время пути старый шаман ловко выдубил какими-то своими методами – кусок был преизрядный, величиной со шкуру барана, хотя и весил значительно меньше – и протянул старосте. Тот суетливо схватил его, кивнул головой – и тяжёлые ворота распахнулись во всю ширь, запуская землян в первое поселение в этом странном мире.

Дома, по большей части сделанные из обтянутых шкурами гигантских дуг, походили на выпуклые пирамидки, из которых какой-то великан составил самые разнообразные зда-

ния, просто соединяя их друг с другом. Высокие и приземистые, цветные и почти чёрные, сложные, составленные из огромного количества дуг, и совсем простые, но просторные, закрывающие огромные площади. Как поняли земляне из скупых объяснений шамана – каждый житель народа хлоев всю свою жизнь перестраивал своей дом согласно традициям, положению в обществе и собственному достатку. Например, бездетная пара не могла иметь больше одной комнаты, и могла лишь расширять своё жилище, а лекарь наоборот, обязан был построить несколько дополнительных комнат, в которых он мог бы помогать тем, кто в этом нуждается. Каждый из хлоев строил своё рабочее место рядом с домом, благо земли вокруг было достаточно и шкуры при тёплом климате этого мира, подобно земле в южных широтах, несли зачастую лишь церемониальное значение.

Землян поселили на отшибе, рядом с высоким частоколом и казармой воинов – хижинами, в которых жила молодёжь, учащаяся искусству выживания в этом суровом мире. Насколько понял Макс, это было что-то вроде обязательных военных сборов – каждый год, по окончании сезона охоты, всю молодёжь собирали в хижинах Учения, где они постигали самые разные науки, необходимые любому взрослому члену общины – и выбирали свой собственный путь. Несколько суровых воинов постоянно находились рядом с ними, наблюдая, наставляя – и наказывая, если в том была необходимость...

В этом был двойкий смысл: с одной стороны гостям тем самым оказывали доверие, показывая, что не боятся оставлять молодёжь рядом с ними... С другой – молодые недоверчивые волчата не позволили бы пришельцам сделать ничего опасного для клана. А ветераны были вполне в состоянии обеспечить безопасность и тем и другим.

Белые шкуры Дома Гостя поднимались вверх, смыкаясь куполом над головой. Здесь благодаря почти идеальной округлости дуг и жёсткой, явно новой коже стены казались почти правильным кругом, заботливо отгораживая людей от внешнего, такого странного мира и его обитателей. Магический светильник – язычок живого огня, заботливо помещённый в стеклянную бутылку, яркими язычками пламени освещал толстые и чуть мохнатые шкуры, создавая ощущение уюта и тепла. Впервые после сумасшедшего падения в бездну прямо из шахты лифта, земляне оказались одни, в безопасности и покое, наедине со своими проблемами.

Тягостное молчание повисло в пустой и гулкой комнате. Все сидели, сжимая свои, оставшиеся ещё от той, привычной жизни вещи – им дали новые, мягкие и красивые, но никто не решался расстаться с привычной одеждой – никто, кроме Макса, с наслаждением сбросившего рваные тряпки, в которые ему пришлось кутаться последние дни и нырнувшего в странного покроя, но явно удобные и тонкие шкуры. Ему было проще – обрывки вещей, которые были на нём, напоминали не столько о земле, сколько об опасном превращении –

и о том, что последовало за ним. Он и заговорил первым.

– Мы тут все более-менее знакомы, но давайте представимся – так сказать, официально. Я – Максим, родом с алтайского края, первый курс.

– Вадим. Ленинградец, второй курс. – Щуплый паренёк поправил очки, явно смущаясь. Достаточно хрупкий и слабый но, тем не менее, мужественно тащил на себе большую часть поклажи – и не жаловался, в отличие от сварливых девчонок..

– Настя. Учусь на первом курсе. На архитектуре строительства. – Длинные волосы, миловидное лицо, большие испуганные глаза, недоверчиво открытый рот – похоже, она до сих пор считает происходящее дурным сном.

– Мадлена. Третий курс. Училась на отлично. Но, кажется, здесь это никому не нужно. Вряд ли архитектура нужна дикарям, живущим в чумах... – Белокурые волосы, сухой тонкий рот и большие, с прищуром глаза. Плюс шикарная грудь – высокая, пышная, созданная для соблазнения и постройке карьеры, а не шатания по лесам. В словах горечь и сухая злость. Эта не будет скандалить, пока не кончится кризис – зато потом оторваться по полной. Выместив пережитое отчаяние и страх на первом, кто подвернётся под руку.

– Таня. Не слишком ли поздно знакомиться и выяснять, кто и где живёт и учиться? – Крепкое, сбитое тело, уверенный в себе взгляд, в глубине которого тлеет отчаяние и злоба. Наверняка в бешенстве от того, что рухнули её собствен-

ные, личные планы по завоеванию очередной цели. На нём и держится, и будет на голову выше остальных девчонок, а при необходимости сумеет неплохо устроиться и здесь.

– Вика. Третий курс. – Глаза выглядят потухшими и понурыми, и даже задорные белокурые кудряшки поникли, словно тоска и ужас от происходящего захлестнули девушку с головой. Если это срочно не исправить, она заразит своим настроением всех остальных – и продолжать поиски будет в десятки раз сложнее. Хотя бы потому, что оставлять никого нельзя – местные тут же отправят их в лес, как бросают малышей в воду – или выплывут, или...

– Вот и ладненько! Кто любит политику? Ну кто новости смотрит не с отвращением, а с интересом? – Дождавшись неуверенного кивка Вадима, Макс продолжил: – Внимательно изучай здешнее социальное устройство! Попытайся понять все аспекты! Ты, Настя, я помню, увлекалась дизайном одежды? – Для тебя тут широкое поле деятельности! Не буду тебя учить, сама всё понимаешь! Таня, Надя, Вика – сами разбирайте три темы: аспекты местной архитектуры, психология взаимоотношений и флора с фауной. Можете не делиться, а изучать все три! Потом сравните результаты! Вы представляете, какая будет сенсация, когда мы вернёмся! И если при этом мы окажемся спецнами по этому миру – какие пойдут бабки! Похоже, для всех нас – это счастливый случай!

Макс нёс что-то ещё, говорил убедительно, с задором, за-

ражая окружающих оптимизмом. Обещал золотые горы, славу и страницу в истории – и с облегчением видел как светлеют лица людей. Похоже, его нехитрая тактика принесла ожидаемые плоды: Все успокоились и перестали смотреть на будущее мрачно – а это было сейчас самое главное. Девчонки тут же затеяли спор, обсуждая увиденное в посёлке, на блокнотах, извлечённых из рыкзачков – всё таки ученики архитектурного университета! Начали набрасывать схемы, эскизы, простейшие зарисовки... Ему поверили. Парень почувствовал удовлетворение от удачной работы – и стыд. Он понимал иллюзорность попытки вернуться домой – слишком уж велик был скепсис в словах старого шамана. Но, кроме него, никто его не понял – а в переводе всё выглядело не так уж страшно.

За пазухой зашевелился криг. маленький бельчонок явно вымотался, догоняя спешащих людей – весь день он спал, лишь пару раз поел подsunутое Максом мясо – и человек ощущал волну тепла и довольства, доносившуюся до него от малыша... Аккуратно положив крига на подстеленную повязку, ещё недавно – и так давно! Бывшую его рубахой, он вышел, аккуратно прикрыв за собой плотный полог.

День угасал. Солнце садилось, скрываясь за деревьями, и лучи его освещали всё в причудливые, странно – фиолетовые цвета. Несколько мощёных камнем улиц, странно смотрящиеся посреди кожаных шатров, небольшие – в рост человека, фонари – стеклянные колбы, наполненные бледно светя-

щимися слизнями, зажглись, борясь с подступающей тьмой. Какой-то парнишка ходил от столба к столбу и приоткрыв крышку наверху, бросал своим подопечным кусочки корма. Те сразу начинали светиться поярче. Это было необычно, странно. В этом прослеживалось какое-то родство с Землёй – но гротескное, превращающее привычное в пугающее...

– Смотри, куда прёшь! – Крепкий парень явно специально встал на пути у зазевавшегося Макса. На голову выше, широкоплечий, с играющими на руках мускулами, он, похоже, считал, что пришельцы – слюнтяи, и всячески демонстрировал это.

Землянин пожал плечами. Формально парень был прав – Макс действительно зазевался и налетел на прохожего. То, как тот оказался у него на пути, ничего не меняло.

– Извините! Я недавно в вашем мире и похоже, больше гляжу по сторонам, чем под ноги. Землянин обошёл напрягшегося парня и отправился дальше.

– Что, так и уйдёшь? Правильно про вас шушукаются – слизняки приползли... Новорожденный!

Человек замер. Судя по округлившимся лицам прохожих, сейчас его оскорбили – или вызвали на бой. В любом случае, спускать это было нельзя, чтобы не потерять уважение хлов, боготворящих физическую силу, живущих благодаря ей. Он не торопливо повернулся и мягкой походкой направился к довольному собой оборотню. Тот стоял, скрестив руки на груди, и явно ожидал какого-то словесного поединка. Но

Макс шёл молча, лишь лёгкая улыбка играла на его губах. Тратить время на разговоры он не собирался. Стоило ему оказаться в пределах досягаемости молодого хлю, как тут же руки сами начали действовать. Одна отвесила щелбан – лёгкий, но обидный, другая незаметно потянула шнурок на штанах.

Рассвирепевший задира ударил всерьёз – его кулак, как поршень пролетел мимо легко отклонившегося Макса – тот невозмутимо отодвинулся на локоть в сторону и ухватив громилу за одежду, ещё и подтолкнул в направлении удара – и ближайшей лужи. Тот рухнул, вызвав хохот прохожих, ставших невольными свидетелями ссоры. Землянин пожал плечами и развернулся, собираясь уходить... Оборотень вскочил, пытаясь дотянуться до обидчика – но тут штаны его, с развязанным поясом свалились в лужу – и он вновь рухнул.

– На твоём месте, Лиги, я бы был повежливее с гостем клана. Или ты хочешь опозориться сам и опозорить весь посёлок? Любые поединки должны проводиться вне наших стен – но поверь, волку против медведя, на два счёта разделившегося с касадгом, ничего не светит. Так что – исчезни, пока о твоей выходке не узнали Старшие...

Лиги, бормоча себе под нос что-то невразумительное, пошёл в сторону казарм, а землянин с интересом посмотрел на неожиданного заступника. Молодой парень, не старше Макса – тонкий, с живым огоньком в глазах, он, тем не менее, был непререкаемым авторитетом для разбушевавшегося

ся оборотня – и это в очередной раз перевернуло представление человека об этом странном мире.

– Ты неплохо дерёшься! Специально учился? Меня зовут Клайон.

Макс криво ухмыльнулся и пожал плечами.

– Если вырастешь в семье с четырьмя старшими братьями, каждый из которых не уступит вашему Лиге в образе человека, да и волка скрутит, поневоле нахватаешься разных штук. Преимущественно – из айкидо. А как ещё можно справиться с такой машиной, когда она прёт на тебя?

– Это ваше... ай-ки-до учит развязывать пояс, что бы противник потерял штаны и макать в лужу, что бы он охладел к поединку? – Клайон бросил на землянина лукавый взгляд.

– Нет. Такие приёмы – мои собственные наработки. – Макс вернул парнишке такой же взгляд и почувствовал, что этот парень похож на его самого, такого весёлого и нескладного – но тут его уважали и прислушивались к его мнению! Мир хлоев нравился землянину всё больше...

– Ты хочешь посмотреть посёлок? Тебе помочь?

– Скорее – почувствовать. Я давно заметил – приедешь в другой город, вроде всё показывают, рассказывают, есть куча карт и подробные объяснения – однако он чужой, всё в нём непривычно и чуждо. А вырвешься на денёк, походишь по незнакомым местам, не пытаясь ничего понять, ни у кого ни о чём не спрашивая, почувствуешь город, его изнанку... И на следующий день все улицы, ранее бывшие просто линии

ями на карте, оживают, улыбаются уже виденными, изученными зданиями, подмигивают глазами окнами; и ты вдруг понимаешь, что ты – дома...

Макс, сам не ожидавший от себя такого красноречия, выдохся и умолк, парнишка задумался, кивнул и исчез в незаметном переулке – а землянин ещё долго бродил по мощёным улицам, удивляясь городу, своим мыслям – и неожиданной встрече...

Утром за землянами пришёл Ирк'х. Вернее, пришёл он только за Максом – но это стало понятно лишь после того, как гостей накормили, угостив их необычайно вкусной гигантской рыбой, фаршированной овощами с мясом. После этого старый шаман пригласил " – Наших друзей из другого мира осмотреть самые интересные аспекты здешней жизни", бросив проницательный взгляд на медвежьего оборотня и многозначительно указав тому на нескольких воинов, неторопливо ожидающих чего-то у стены.

– Иди с ними. Тебя ждёт совет старейшин. Скоро и я пойду. И не волнуйся за своих спутников – пока они наши гости, их защищает всё племя. – Язык народа хлоев прозвучал удивительно тихо, словно старый шаман говорил только для его одного – а может, так оно и было?

Макс встал и шагнул к воинам – те согласно кивнули и, повернувшись, поманили за собой.

Шатёр шаманов представлял собой огромный купол с кучей мелких пристроек, представлявших собой один гигант-

ский лабиринт, из которого было множество выходов – но все они вели исключительно обратно, в этот купол... В центре его была начерчена семилучевая звезда, на краях которой стояли древние, расписанные непонятными символами чаши и аромат сжигаемых благовоний поднимался над ними в воздух, наполняя шатёр ароматами незнакомых трав. Седой шаман, одиноко сидевший в стороне, кивнул при виде вошедшего парня – и вытянул руку, указав в центр шатра. Помедлив, Макс шагнул вперёд, став ровно в середине звезды. Он ждал умных слов и красивых речей – их не было. Только ослепительно белый криг прыгнул, сев перед ним за пределами звезды – и поймал взгляд человека. Врата сознания распахнулись...

Голова закружилась, мир стал иным – сознание зверя поднялось из глубин разума на поверхность – но человек никуда не делся, оставшись бодрствовать – тело его не менялось, оставшись прежним. Две сущности, живущие поочередно, встретились наконец лицом к морде – и начали борьбу друг с другом.

Неимоверная тяжесть навалилась на человека. Первобытный напор зверя давил на непривычное к подобным поединкам сознание, норовя загасить, выдавить его в иной пласт – и безраздельно властвовать над телом. Хищник боролся за свою территорию...

Странная это была битва. Хотя бы потому, что зверь не

хотел уничтожить человека – признавая его нужным и полезным, он мечтал растворить его в себе, переняв его разум, его знания и опыт. Призрачная голова медведя приблизилась, сверкнули гигантские клыки – и впились в сознание, причиняя одновременно дикую боль – и странное, непонятное наслаждение. Черета образов замелькала перед глазами. Бои – на охоте, при разделе территории, и сладость побеждённого врага; самки, гордые своим самцом, идущие за ним по его тропе; свой мирок, отвоеванный у вселенной – крошечный и неказистый, зато свой; ручейки чужой крови, стекающей по залитой кровью шерсти...

– Мне это не нужно! Это не моё! У меня другие мечты! – Макс мысленно закричал – и почти увидел ироничную ухмылку, смотревшуюся на медвежьей морде гротескно, но удивительно правильно.

– Да? А в чём разница?

Офис... Куча бумаг на столе – бумаг, закрепляющих за ним свою нишу в череде рыночных отношений – маленькую, неказистую, но свою, отвоеванную тяжким трудом у мировой экономики... Поверженные конкуренты, чьи жалкие остатки акций он скупал за бесценок – и ручейки инвестиций, вливающиеся в его компанию: красивая и податливая секретарша, готовая исполнить любую прихоть шефа....

– Разве это не твои мечты?

– Но это другое!

Очередная ухмылка на звериной морде. Она всё ближе,

вырывает куски сознания, готовясь заглотить его целиком...

По знаку старого шамана, внимательно наблюдающего за неподвижно стоящим в центре звезды парнем, несколько воинов зашли в шатёр – и их копья немигающими глазами наконечников уставились на человека. Шаман не хотел допустить появления опасного зверя в сердце посёлка. Медведь внутри человека взревел, Макс возмутился – они кинулись на замерших воинов, но непонятная преграда погасила атаку, отбросив оборотня назад – в центр семилучевой звезды. Один из воинов усмехнулся, сделал неуловимое движение – и его копье, легко преодолев преграду, бережно и нежно погладило плечо человека. Рассечённая кожа тут же лопнула – и струйка крови закапала на пол, собираясь небольшой лужицей. То, что мешало оборотням – не мешало их оружию. Макс понял – если он проиграет, боя не будет, будет бойня. И оборотень-медведь, при всём своём могуществе, окажется жертвой.

Он возмутился – но боль в раненном плече словно смыла другую, внутреннюю боль сознания. Человек, видя перед глазами призрак той великой насмешницы, которую все ненавидят, но которая любит всех, приходя к ним в последний час, уводя за собой в иные миры... Он внезапно успокоился. На секунду ему показалось, что нежная рука смахнула пыль страстей с его сознания, оставив его чистым и ясным.

Боль не была злом – и боль ушла. Совсем.

Насмешки не ранили душу – и они исчезли, растворились

в безмятежности.

Желание победить, страх проиграть... они были слишком кратковременны перед лицом вечности, и они так же исчезли, мелькнув единым мгновением.

Макс встал, выпрямился, став как будто выше – и воины у стен мгновенно выпрямились так же, словно салютуя чему-то незримому. Даже старый шаман поднялся со своего кресла, отдавая дань почтения – чему?

Откуда-то из глубин к Максу пришло простое и ясное понимание. В нём не было ничего сложного или нового – просто чужое знание наконец дошло до сердца, став своим; разум человека впустил в себя Зверя – и сознания слились, став единым целым. Так полосы стали в клинке сливаются при ковке, давая ему необходимую гибкость, упругость и остроту.

Человек понял, что Зверь – это не что-то чуждое ему, что это часть его собственной души – часть, которую он гнал от себя, пытаясь подавить, уничтожить, превратившись в особь с куцей душой. Он принял и понял стремления Зверя. И приняв их, научился контролировать животные призывы. Зверь довольно ослабился, осваивая новую территорию – и не замечая тонкого поводка, охватившего его шею.

Макс пошатнулся и упал. Сил не оставалось, словно он весь день рубил дрова ржавым тупым топором....

Ловкие руки тут же подхватили его, и старый шаман, бережно поддерживая парня, произнёс:

– Вот ты и прошёл испытание, оказавшись на первой ступени высшего оборотня. Начало пути положено – посмотрим, куда он тебя заведёт!

– А много ступеней в вашем пути? Ещё одно испытание – и я уже буду просто не в состоянии куда-то идти!

Ирк'х рассмеялся.

– Испытания – для новичков, безусых юнцов, не знающих ничего и не желающих идти куда-то. Путь берёт начало у твоих ног – а куда он приведёт тебя, не знает никто, даже ты сам. Но ты получил возможность идти! Это – великий дар, которым почему-то пользуются лишь единицы. Я верю в тебя, мальчик!

Макс попытался улыбнуться – но тут тьма навалилась, обрывая дыхание...

Чьи-то руки провели по лицу влажной тряпкой, прогоняя остатки странного сна. Или это был не сон? Сибиряк поймал чужую ладрь, с трудом открывая глаза. Стены Дома Гостя смыкались над ним, а Настя, испуганно смотрящая на него широко открытыми глазами, замерла, не зная, что ждать от странного парня. Макс помедлил – и губы его бережно коснулись тонкого запястья...

– Очнулся, наконец! Уже сутки дрыхнешь! Мы уж думали тебя тут оставить, идти дальше без тебя!

– Говори за себя, Мадлен! Вместе пришли, вместе и уйдём! Сама за эти дни полблокнота исписала, выстраивая ков-

ровую архитектуру... А почему, кстати, ковровую? Как придумала такой термин? – Это Вадим. Тот ещё миротворец!

Немного смущённое молчание.

– Просто сверху этот посёлок похож на гигантский ковёр. Очень свежая концепция. На ней можно озолотиться. Идеальное решение для небольших посёлков и фермерских хозяйств. Да и в городе кое-какие принципы можно использовать. Если, конечно, выберемся...

– Не переживай, выберемся! Я тут поспрашивал местных – в их центральном городе, Алькрине, по паре раз в год порталы открываются. В крайнем случае попросим гостей оттуда нам помочь! Если открывают сюда, значит, могут открыть куда-то ещё! Макс, ты как? Поешь и давай поднимайся – вечером тут намечается грандиозная игра, что-то типа нашего футбола, но... короче, сам увидишь! Но сразу скажу – тебе в неё играть не светит!

Девчонки захихикали, а Макс почувствовал прилив благодарности к сидящему рядом парню – надо же, как ловко увёл разговор в сторону от их возвращения домой! То же понимает, что девчата на взводе... Он с трудом приподнялся и сел – в руках у него тут же оказался кусок мяса, перед ним дымящаяся кружка с местным чаем, носящим гордое имя Края, но проигрывающему обычному цейлонскому по густоте и цвету. Впрочем, берущего своё ароматом – слабым, но приятным запахом незнакомых трав...

Стадион посёлка оборотней был бы похож на земной – овал метров двухсот в длину, небрежно сколоченные скамейки в несколько ярусов, вполне способные вместить всех желающих, если бы... Ровное поле с зелёной травкой напроочь отсутствовало! Были, правда, подобия ворот с двух сторон и небольшое ровное пространство перед ними, по которому нервно прохаживалось по большому и странному хищнику, более напоминавшему бронированную ящерицу. А остальное поле... Вместо него была мешанина, похожая на полосу препятствий для спецназа или даже школы боевых искусств, в которых гибкость зачастую важнее силы. Тысячи троп шли по полю, постоянно пересекаясь. И на каждой стояли преграды – проволочные коридоры сменялись лестницами с выросшими внизу шипами, высокие заборы и странные сооружения – смесь шатких подмостков с торчащими повсюду лезвиями – однако при этом ведущие к воротам наиболее прямо. Легко пойти здесь могла лишь кошка – но не одна уважающая себя кошка не полезет туда, где её шёрстке хоть что-то угрожает. Хлои же были готовы – по пять парней из разных кланов нетерпеливо приплясывали с противоположных концов поля, наблюдая за действиями шамана – местного аналога судьи.

Впрочем, то, что они были из разных кланов, земляне поняли, лишь когда над полем раздался высокий звук раковины и ловкие фигуры взвились в воздух, на ходу меняясь, обрастая шерстью – на поле приземлились уже звери. И если

клан Сломанный ветви, приютивший их, был в своей звериной ипостаси похож на волков – крепкие, поджарые, серо-чёрные тени скользили по мешанине ловушек, стремясь к центру поля, где на специальной подставке лежал кожаный снаряд, похожий на некрупный мяч для регби; то их соперники больше походили на лисиц-переростков: рыжие, стремительные, с крепкими вытянутыми мордами и широким размахом лап. Соревнование началось!

Гибкие фигуры стремительно скользили под огненными преградами. Протискивались в небольшие, только для кошки щели; клинки ловушек скользили сквозь мгновенно заживающую плоть, и только смех зрителей показывал неудачное попадание кого-либо из игроков. Однако стоило оказаться впереди хитроумной верёвочной сети или высокой стене – и вперёд тянулась уже человеческая рука. Смысл состязания был не только в звериной силе, но и в человеческом разуме, а так же умении быстро менять шкуру.

Одна из фигур привлекла внимание Макса. Что-то в её движениях показалось ему смутно знакомым – он всмотрелся попристальней; и в момент оборачивания узнал своего нового приятеля, Клайона. Лишь после этого он начал болеть по-настоящему и его голос вплёлся в одобрительные крики, звучащие над стадионом.

Команда чёрных подлетела к воротам соперников, обогнав пытающихся их остановить рыжих – и оказалась один на один с "вратарём". Мощный зверь явно был в игре не один

раз и понимал, что нужно делать – ящерица металась внутри своего круга, иногда вставая на задние лапы. Ловкий бросок – мяч летит над головой зверя, но тот изворачивается – и хватает кожаную игрушку на высоте в два своих роста. Довольный, он выплюнул разодранные тряпки на землю, а новый мяч возник вновь в центре поля – игра продолжалась...

Примерно через полчаса случилась травма – один из команды гостей налетел на лезвие слишком сильно, и даже ускоренный метаболизм оборотня не защитил его от большой потери крови. Парнишку вынесли из поля и положили неподалёку на солнышке – болеть за свою команду и восстанавливать силы. Уходить до конца игры он категорически отказался.

Здоровых и быстрых, но туповатых ящеров удавалось обмануть – чаще всего кто-то из оборотней бросал в их сторону что-то из оторванных клочков ловушек, а пока вратарь терзал её, забивали гол с другой стороны. Впрочем, кожи на игровом поле не было, а обмануть ящериц металлом было очень сложно...

К концу первого периода счёт был равным – 1:1 Уставшие игроки расположились на скамейках каждые на своей стороне поля. Их тут же обступили тренера, болельщики и просто друзья. Поколебавшись, Макс то же решил подойти пожелать удачи. К его удивлению, вся команда в больших количествах поглощала мясо, какие-то запеченные и явно жирные вкусности.

Видя круглые глаза подошедшего землянина, Клайон, державший в своей руке здоровую ногу какого-то животного, истекающую соком, рассмеялся.

– Что, непривычно? У оборотней очень быстрый метаболизм – обернувшись, мы тут же усвоим всю проглоченную пищу, оставив пустым желудок. А лишняя энергия нам жизненно необходима – без сотен мелких порезов ни один матч не обходиться для каждого участника, а случаются и более серьёзные травмы – он кивнул в сторону неудачливого игрока, понуро сидящего отдельно ото всех.

– Ты уже сделал ставку на игру?

– Нет. А что, у вас и ставки разрешены?

– Конечно! Мы уважаем азартные игры, если они ведутся по правилам. Несколько раз пришельцы из других миров пытались устанавливать "особые" условия, но их тут же разрывали на части – народ хлоев ценит свою честь.

– И на кого ты предлагаешь мне поставить?

Клайон рассмеялся.

– Я не имею права подсказывать тебе – ты можешь ставить, на кого хочешь. Ларна! Землянин хочет сделать ставку!

Небольшая девушка, с длинными развевающимися волосами и ярким нарядом, оставляющим открытым большую часть очаровательного тела с небольшим пушком – более густым, чем волосы на теле землян, но вполне красивым, подошла к Максу, смерив его взглядом выразительных глаз.

– Что хотите поставить? И на кого?

Макс осторожно достал из-за пазухи крига и переложил его на ладонь. Тот сонно заворчал, но не проснулся, лишь крепче обнял руку человека – пока тот был без сознания, малыш отказывался от пищи, сидя возле своего друга, а теперь, наевшись, спокойно уснул. Ещё накануне сибиряк отрезал для него кусок шкуры касадга, что бы малышу было поудобней – и теперь протянул его девушке.

Та присвистнула.

– Касадг? Неплохо. Конечно, кусочек маловат... Как насчёт 100 золотых? Пойдёт?

Судя по округлившимся глазам окружающих, ставка была высокой. Макс усмехнулся и кивнул.

– Но если я выиграю, шкуру хочу получить назад. Малышу на ней удобно.

– Ладно. Тогда оставь себе. Отдашь, если проиграешь. На что ставишь?

– На то, что он забьёт гол! – Землянин кивнул в сторону Клайона

Ларна удивилась.

– Но это не правильно! Обычно ставят на победу!

– Обычно? Но не всегда? Сделаешь для меня исключение?

– Ты умеешь слушать... – Девушка принуждённо рассмеялась. – Хорошо, я приму ставку, но учти – так шансов у тебя гораздо меньше, чем на победу клана. Никто не будет специально лезть вперёд – играют на победу команды, а не игрока.

– И всё же я рискну. – Макс подмигнул Ларне и не спеша

отправился обратно – в сторону трибун, где сидели остальные земляне...

Узнав о ставке, все девушки группы дружно осудили Макса за азарт и разбазаривание ценной шкуры – а потом принялись болеть за свою команду так, что привычные ко всему оборотни только диву давались. Каждый прорыв, каждый удачный проход они отмечали выразительными криками, земными девизами и текстами из песен. К концу игры у них уже появились поклонники – не один молодой оборотень на трибунах смотрел уже не в сторону поля, а на раскрасневшихся, разгорячённых землянок. А крик " – Волки – чемпионы!" скандировали уже все! Правда, в переводе на местный земной девиз звучал странно и непривычно – каскад лающих звуков, громкий и мелодичный, но сама идея хлопям явно понравилась...

Игра уже подходила к концу, счёт был равный – три-три, когда один из варанов подавился куском ловушки. Он лежал, неестественно вывернув голову, вокруг него хлопотало несколько хлопьев, а огорчённые трибуны молчали, глядя на судей.

Макс тронул сидящего рядом Ирк'ха:

– Что случилось?

– У нас нет запасного "вратаря". Эти твари довольно редки – они практически не могут колдовать, как и все рептилии, почему, собственно, их и допускают внутрь поселений. Обучению они не поддаются, зато их инстинкты можно

использовать вот в таких играх, например. Однако в дикой природе они проигрывают видам с развитыми магическими способностями – и поэтому встретить их довольно сложно. Если не удастся привести его в чувство, боюсь, игра останется незаконченной. А ведь самые интересные обычно последние минуты матча, особенно при равном счёте!

– У нас на земле есть подобные игры. Так там вратарь – это член команды, а не дикий зверь. Правда, у нас на поле нет ловушек...

– Ну, что у вас есть командные игры, видно по девушкам – Ирк'х кивнул в сторону раскрасневшихся лиц. А что касается вратарей... Хлои просто не успевают среагировать! Он развёл руками. Ловушки подступают почти вплотную к воротам, на расстояние хорошего броска. И пусть реакция оборотня не ниже звериной, но бросают-то тоже оборотни! К тому же, у хлоев масса тела при смене шкуры почти не меняется, что приводит нас к второй, основной причине запрета на вратарей-оборотней. Согласно древним правилам, объем тела защитника ворот должен перекрывать не меньше четверти пространства для удара мяча. Это удастся лишь варанам!

– Варанам...или медведям?

Шаман бросил внимательный взгляд в сторону человека.

– Ты согласен участвовать в незнакомой тебе игре?

– Думаю, азы я уже усвоил. А остальные правила освою по ходу. – Макс пожал плечами. – Нельзя же лишать людей

удовольствия.

Всё решилось удивительно быстро. Стоило Ирк'хагу сказать несколько слов подбежавшему на его зов судье – и землянина под восторженный рёв толпы проводили к воротам клана Сломанной ветви. Трава здесь уже была помята, а местами мощные лапы варана выворотили целые пласты земли, создавая маленькие траншеи, грозящие замедлить и без того медленную с непривычки реакцию пришельца. Впрочем, уловив его недовольный взгляд, вся судейская команда тут же бросилась поправлять самые неприглядные участки – что бы потом, с ярким огоньком в глазах, начать смотреть на замершего парня.

Тот смутился. Он совершенно не подумал о том, что ему придется оборачиваться на газах у целого стадиона. Пусть игроки это делали ежеминутно – все к этому привыкли. Но никто из собравшихся на стадионе не видел оборотня-медведя, кодыака – и теперь все в ожидании уставились Макса, словно на рок-звезду во время выступления на Красной площади. Для парня, выросшего на периферии, вдали от суматошной городской жизни, это было равносильно мощной психологической атаке. Он уже совсем было собрался откатиться от взятой на себя чужой роли и пристального внимания множества людей – как из глубины сознания на поверхность легко поднялся Зверь.

Два сознания слились, став единым целым, и волна животной мощи смыла жалкую рефлексия человека. Зверю бы-

ли чужды условности – и смущение, захватив с собой стыд и страх, отступили, растворились в глубинах подсознания, на время став лишь зрителями. Зверь был естественен, он был сами собой, не находил в этом ничего неправильного.

Волны мелких изменений прокатились по телу Макса – обращение началось. Вначале кости на миг став необычайно жёсткими, словно стальными, потекли, увеличиваясь в размерах, словно волна горячего мёда прокатилась по организму. Мышцы стали мягкими, натягиваясь, изменяясь, подстраиваясь под выросший и изменившийся костяк, а затем начали стремительно расти. Суставы скрипели, неохотно меняя своё расположение. Сибиряк вытянул вперёд руки – они на глазах обрастали шерстью, наливались мощностью, превращаясь в медвежьи лапы. Увеличившись по толщине вдвое, пальцы стали более короткими, когти выросли, превращаясь в ороговевшие лезвия. Макс сжал и разжал пальцы – они хоть и стали похожи на медвежьи, но продолжали служить, словно прежние, оставаясь умелыми и ловкими. Нос вытянулся, став длинным и чутким – целая вселенная запахов обрушилась на непривычного к подобному человека. Он прикрыл глаза и втянул воздух – пахло железом, камнем, кожей и деревом. Эти запахи, знакомые ещё по земле, хотя и немного странные. Остальное же было чуждым, хотя уже и не незнакомым – за время пребывания в иной ипостаси он успел понять основные ароматы этого мира. Рёв трибун, с замиранием сердца следивших за появлением грозного хищ-

ника, взвился над полем – и огромный медведь встал на дыбы, подняв передние лапы в воздух в извечном спортивном приветствии – он был готов к игре.

Вновь настала тишина, раздался свисток – десять юрких фигурок, на ходу обрастая шестью, кинулись в мешанину ловушек, что бы исчезнуть из вида. Всё замерло. В двух метрах перед Максом застыло нагромождение железа и камня, готовое в любой момент расступиться, что бы выпустить убийственную атаку. Он должен был быть готов среагировать за долю секунды – И зверь в нём не сомневался в успехе. Дитя природы, он вообще не знал моральных терзаний. Человек же боялся. Не успеть, не справиться, не суметь... Зверь внутри него усмехнулся – и спокойствие готового к прыжку хищника, спокойствие сжатой пружины, готовой в любой момент выплеснуть всю свою энергию в одном порыве, успокоило мечущийся разум.

Сибиряк прикрыл глаза. Вглядываться в мешанину ловушек – бестолку. Лучше положиться на чутьё животного. Запахи разгоряченных тел приближались. Небольшие юркие тела стремительно скользили сквозь стальной лес. Рыжие, поменьше – впереди, чёрные – отстают, но стараются, пытаются нагнать. Рыжие на ходу разделились на две группы – первая свернула влево – она появиться со стороны на пару ударов сердца позже. Вторая – Макс открыл глаза – что бы увидеть, как выплескивается из мешанины ловушек несколько тел – три рыжих тела, несущие в зубах каждая своё. Пер-

вый лис, вынырнув из узкого лаза стальных лезвий, кинул в него какой-то драной тряпкой – медведь лишь презрительно осклабился, провожая взглядом медленный полёт ткани. Но тут второй, раскрутившись на вертушке сложной ловушки, кинул в него камень – мощная лапа поднялась и опустилась, припечатывая его к земле – стремительный полёт не позволил разобрать, что же это, заставив потратить драгоценные мгновения, отвлечься на постороннее. И тут сверху, пикируя с высокой деревянной стены, ударил третий – Макс резко повернулся, выставив лапу – и острая боль отозвалась глухим ударом металла о кость. Будь тут обычный зверь – лапа была бы срезана начисто. Попробуй он ухватить летящий кусок ловушки зубами – и вся морда оказалась бы разворочённой. Так оно и было бы – если бы он погнался за первым броском, сняв напряжение с лап, наверняка третий предмет захотел бы поймать так, как ловят добычу – одним мощным поворотом корпуса с резким захватом челюстью. Глядя на застывшие глаза замершего рыжешкурго, он понял – этот приём тщательно отработан – именно для финала. Любой зверь сейчас катался бы от боли – и ворота оказались бы пустыми. Но его Зверь был надёжно привязан – а то, что боль – не зло, он понял ещё на земле. Усмехнувшись краешком губ, медведь резким движением отправил железное лезвие в обратный полёт – а сам, развернувшись, бросил не желающие слушать тело налево – туда, откуда должен был появиться следующий игрок. Он плавно поймал кожаный мяч, легко сжав

его зубами и с удовлетворением услышал, как развернулись волки обратно – в сторону центра поля, где появился новый мяч вместо только что уничтоженного им. Рыжие кинулись им вслед, безнадежно отставая, причём последний ощутимо прихрамывал – Макс отметил это со странным удовлетворением, лишь после этого позволив себе лечь и начать вылизывать начавшую затягиваться тоненькой корочкой лапу – регенерация здесь была отменной. Шли последние минуты матча...

– Это здорово! Мы выиграли, счёт 4:3 в нашу пользу – и последний гол забил Клайон! Он говорит, что это меньшее, что он мог для тебя сделать! – Девочки были все себя от восторга, поглядывая на внушительный полотняный мешочек, принесённый Ларной – странные прямоугольные монеты вывалились из него на стол, образовав внушительную кучку. Жёлтый металл, в очередной раз доказавший свою универсальность, поблёскивал в пламени живого огня, радуя глаз землянок.

– Это сколько на евро? – Мадлен любовно перебирала монеты, разглядывая мелкие отметины зубов – похоже, их носили не только в карманах...

– Поскольку все эти деньги принадлежат Максиму, тебя не должно волновать, сколько это ни в долларах, ни в евро. – Вадим, поправил очки и осуждающе посмотрел на Мадлену, разом потерявшую своё очарование.

– Да ладно, ребята. – Макс оторвался от игры с кригом, соизволившим наконец проснуться и теперь изучающим человеческую руку. – После того, как выберемся – всё, что останется, поделим пополам. Главное – выбраться!

– Тогда давайте не тратить монеты! Их интересует касадга – так давайте отдадим им шкуру! А золото понесём с собой! Вадим рассмеялся.

– Шкура касадга на вес гораздо дороже, чем золото. Нести её легче, а значит, её и оставим. А золото – найдём выход, можно будет остатки шкур обменять на него... Но не раньше!

Девчонки возмущённо загалдели, но тут в Дом Гостя зашёл Ирк'х.

– Гильдия шаманов приглашает всех желающих проверить свой дар оборотня на животную составляющую на малом круге испытаний. Мы медлили с этим, потому что только полный круг шаманов в состоянии обеспечить надлежащую безопасность при проверке дара, а верховный не хотел, что бы кто-то из наших гостей пострадал. Есть желающие?

– Я! – Вадим вышел вперёд. – Давно хотел проверить, кто же во мне скрывается!

– И я! – Мадлена торопливо шагнула к шаману. – Уверенна, что в глубине меня всегда скрывался хищник!

– Ну, тогда я то же! – Таня шагнула. вперёд. – Наверняка во мне живёт кто-то достаточно опасный!

Настя и Вика в ответ на вопросительные взгляды лишь за-

мотали головами. Они явно не собирались идти ни на какие испытания. Лишь после долгих уговоров девушки поняли, что в мире оборотней обычным людям не место – и отправились следом за остальными...

Шатёр шаманов был по-прежнему тих и невозмутим. Стены вздымались ввысь, горели курильницы на краях семилучевой звезды – но теперь у каждого луча спокойно стояло по бородавчатому хлопу в незнакомой разноцветной шкуре, опирающийся на посохи. Их криги сидели на плечах, уставившись на землян серьёзными глазами – бусинками. Никто из них не произнёс не слова, только криги, зашевелились, отслеживая движения людей. Земляне сгрудились у входа, поглядывая на пентаграмму. Наконец Татьяна решилась – твёрдым шагом она вошла в круг, встав в центре звезды – и остановилась, глядя на шаманов. Один из кригов что-то пискнул – тело девушки поплыло, заволокло туманом... На секунду показалось, что в центре круга сидит большая кошка – то ли рысь, то ли пума... Но туман развеялся – и девушка вышла обратно к землянам, кусая губы.

Мадлена презрительно фыркнула, смерив подругу взглядом, и шагнула внутрь звезды... Теперь туман клубился дольше, скрывая фигуру, которая то раздваивалась, то расстраивалась. Мелькали фигуры животных: то анаконда свивала свои кольца, то рвалась на свет гигантская волчица с пронзительными глазами... Однако конец был тем же: ту-

ман уполз морской пеной, исчезающей вместе с волнами – и только девушка стояла в пентаграмме.

Вадим шёл нерешительно. Он долго не решался переступить границу звезды, вглядываясь в курильницы. Наконец – словно с обрыва шагнул! Встал в центре, вытянулся, словно струна – тронь – зазвенит! Дым, поднявшийся из-под ног, вырисовал силуэт большой добродушной собаки – и вновь пропал, растворился в воздухе, оставив человека в центре круга испуганно озираться – получилось? Нет?

Вика, не решаясь, взглянула на Макса – тот одобрительно кивнул, всем видом выражая уверенность. Он пришёл со всеми и так же отирался у стеночки, переживая за своих соотечественников. Да, ему дали Слово, что здесь им ничего не грозит – но отношение хлоев к ущербным он видел. И мечтал, что бы в его друзьях нашлись корни, роднящие их с оборотнями – тогда ему не пришлось бы в одиночку нести на себе этот груз... Вика, стоявшая в тумане, внезапно покрылась клубами дыма – его было гораздо больше, чем у остальных. И внутри него... Тонконогая, изящная кобылица с длинной гривой, развевающейся на бегу. Было? Не было?

Настя подошла решительно – воодушевлённая примером остальных, она хотела побыстрее отмучиться – ни с кем ведь ничего страшного не произошло, верно? Но стоило появиться непонятному туману, как пронзительно вскрикнули криги – и из клубов дыма вылетела небольшая птица похожая на кречета, принявшись биться о невидимые стены пента-

граммы. Она кричала – это были первые звуки, которые до-
несли из центра звезды. Макс подобрался, собираясь вме-
шаться – но на плечо его опустилась рука Ирк'ха, призывая к
спокойствию. Действительно, через несколько минут, когда
туман заполнил всю пентаграмму, птица пропала – и вновь
появилась перепуганная Настя. Она опрометью кинулась к
сибиряку, и тому стоило больших трудов его успокоить.

Проводив ошарашенных друзей до Дома Гостя, Макс ре-
шительно отправился обратно – шаманам придется ему всё
объяснить!

Неяркий свет живого огня, заключённый в стекло, колеб-
лющиеся тени одиноко сидящих фигур на стенах, слабый
сладковатый дым из курильниц – казалось, с тех пор, как
Макс увёл потрясённых землян, никто не шелохнулся. Си-
биряк прошёл вперёд, небрежно переступив через начерчен-
ный на земле луч. Зверь внутри него взбрыкнул обрастая
шерстью – и вырвался на свободу. Враги! Клыки обнажились
в грозном оскале – предвестнике атаки, мышцы напряглись
– но ментальный поводок натянулся...

Грозный хищник не спеша вышел из звезды, обошёл по-
мещение по кругу. Мимоходом сбросил одну из курильниц
– чаша разбилась, вспыхнув на мгновение остатками бурой
травы. Наконец уселся у входа, потянулся, поплыл... И вот
уже человек встаёт – и идёт мимо так и не шелохнувшихся
шаманов, полностью проигнорировавших происходящее – к

Ирк'хгу, одиноко сидящему у стены и похоже, готового дать ответ.

– Что всё это было? Испытание? Меня вы испытывали не так! Почему никто из них так и не обернулся до конца?

Старый шаман помолчал, глядя в сизый дым. Его криг что-то пискнул и спрятался у хлоя за пазухой. Словно по команде, все заспешили на выход – одетые в шкуры люди степенно выходили, в то время как их зверьки юркими тенями исчезали в проходе. Наконец Ирк'х и Макс остались одни.

– Они не обернулись, потому что в их природе нет способности к оборотничеству. Как говорят у вас говорят – в хромосомной структуре нет необходимых звеньев. Это ответ?

– Нет! И ты это прекрасно понимаешь! Ты с самого начала видел их возможности, но тем не менее предложил ритуал! Значит, это осуществимо!

– Осуществимо – что? Превратить их в животных? Да. А вот сделать людьми...

– Ты говоришь загадками! Объяснись!

Старый шаман подумал – и не спеша раскурил маленькую трубку. Новые клубы дыма заполнили шатёр, и в туманной дымке стали возникать причудливые картины.

– Тогда начнём сначала. Никто не знает, как на этой земле появились хлои. Кто-то уверен, что они возникли, развились из местных животных... но тут нет никого подобного! да, есть схожие по форме, но далеко не такие же по... Хм, вашей хромосомной структуре. – Последние слова он произнёс по-

русски – видно, что подобных слов здесь не знали.

– Есть ещё другая теория... Миры отделены друг от друга тонкой завесой – это ткань пространства-времени, прочная, но эластичная. Её не возможно порвать, иначе миры давно слились в один, образовав туманность хаоса или очередную чёрную дыру.... Но возможно проткнуть на краткий миг – в момент высшего напряжения сил, в момент смертельной опасности. Или это может сделать умелый маг. Опытный учёный, великий жрец – любой, сумевший постичь природу этой преграды. И если последнее неоспоримо, то первое.... ведь вы же здесь. Ты так же сумели каким-то образом спастись, не сдались в ужасе перед смертью – и прошли сквозь границу миров. К чему я веду? Почти в каждом мире происходят катастрофы, и чем они глобальнее, тем больше они грозят самому существованию разума. А он необходим природе, это – та поддерживающая сила, которая организует тонкие связи между материей и энергией. Подобные проколы – это эволюционный механизм, созданный мирозданием для защиты разума во вселенной. Ведь и у вас наверняка пропадают люди? Так, что вы, с вашими приборами и технологиями, не можете их найти?

Дождавшись утвердительного кивка человека, старый шаман продолжил:

– Есть теория, что разумная жизнь в нашем мире возникла благодаря катастрофе в одном из соседних. То ли всемирный потоп, то ли страшное извержение, или гигантский ме-

теорит, уничтоживший всё живое – это не суть как важно. Важнее – что там был культ, способный объединить людей именно перед лицом вот такой катастрофы, обеспечить переход сюда. Это и произошло. Так в мире, враждебном разуму, и появились хлои.

Макс, видевший в клубах дыма огонь, толпы бегущих к храму людей – и огромную воронку портала, сквозь которую лился поток беженцев – вздрогнул, попытался что-то спросить – но новые картины появились в клубах дыма.

– Хлои, пусть и высокоорганизованные, должны были погибнуть. Они оказались в мире, полном магии! Она была везде – в природе, в воде, земле, в животных и природе – но людей она отторгала, не подчиняясь их попыткам. Возможно, какие-то инструменты, захваченные с собой нашими прапращурами, помогли им продержаться, остаться в живых. И дали время найти выход, защитить будущие поколения от мощной и постоянной угрозы. Ты уже понял, какой? Если только животные могут процветать в этом мире – значит, нужно пробудить в себе хищника...

Ирк'х встал, подошёл к выходу из шатра и стал смотреть на заходящее солнце. Голос его был глухим и надтреснутым.

– Не знаю, как это было. Но думаю – страшно. Большой кровью должны были умыться люди, что бы понять: не все могут быть оборотнями. Нет, методику пробуждения зверя в человеке мы знаем. Это древний обряд, один из самых древних, дошедший к нам от наших предков. Он изящен и не

особенно сложен – однако требует ювелирной точности не только от людей, но и от кригов. Впрочем, всё это – наши, вполне преодолимые для опытного шамана трудности... Мы были готовы, из уважения к твоему зверю, той лёгкости, с которой ты его обуздываешь, пойти на это...

– Ничего себе – лёгкости! Да я чуть не умер во время вашего обряда!

– Но ты справился! С большим и хищным зверем! Ты думаешь, почему мы культивируем культ волков, а не к примеру, тигров? Это максимально боеспособный хищник, которым хлои в состоянии управлять! Что для тебя было самым сложным в первые дни?

– Ну... не дать зверю поглотить моё сознание. Он постоянно хотел перехватить контроль. Ему нужно было доминировать, отдавать приказы.

– Но ты не мог позволить ему этого? Даже там, на холме, когда страх, боль и кровь вызвали Зверя из небытия, когда вылились в едином яростном порыве... Даже там – ты боялся Власти Зверя?

– Я боялся того, что могу натворить, позволив себе раскрыть двери тёмного храма своей души. Я боялся сам стать хищником.

– А потом? Что ты понял тут, в пентаграмме?

– Что мой зверь – это не моя тёмная сторона. Его не нужно прятать глубоко внутри. Это – животное, а не зло.

– А если бы в стычке с касадгом ты позволил бы зверю

владеть собой – что бы произошло?

– Открылась бы тёмная часть моей души... И я уже не мог бы стать человеком, превратившись в монстра... Но при чём тут это? Я вижу пройденный путь, но не понимаю, что мешает мои друзьям пройти по нему?

– Изначальный страх к Зверю – и его пути! Ты боялся того, что хищник проглотит тебя! Поглотит, растворит в себе, заставит служить своим целям! В каждом человеке дремлет зверь. Он развивается вместе с новорожденным ребёнком, растёт, дремлет до поры. Его можно остановить или наоборот, подтолкнуть, закрепить изменения в генетических цепях. Скорее всего, именно поэтому у нашего рода всегда рождаются одни типы оборотней – это результат работы наших пращуров. И изначально мы воспитываем детей в противоборстве с тем, кто скрыт в душе. Мы учим младенцев противостоять животным инстинктам, бороться с ними. Именно это позволяет потом взрослому оборотню принять своего Зверя.

– В мирах, где оборотни – легенды, случайные смены шкуры, которые происходят лишь когда Зверь становится сильнее человека... В таких мирах животное в душе не исчезает. Более того – не думая об опасности, люди зачастую с удовольствием принимают помощь своего второго "Я". Именно оттуда можно черпать силы, энергию, страсть и желание жить – всё, что делает мир вокруг ярким и насыщенным. Всё так просто – позволить себе расслабиться, принять зверя, его

помощь – и почувствовать, как ты становишься более целеустремлённым, более опасным... Все проблемы отступают перед твоим несокрушимым напором, дела сразу идут в гору, девушки любят тебя, вернее, самца в тебе. Ты отвоёвываешь у мира свою, только свою территорию, где становишься царём и богом. И всё прекрасно – вот только при этом зверь властвует и над тобой, откусывая от твоей души по кусочку. И так – до тех пор, пока не тело твоё – душа не покроется шерстью, обрастёт изнутри, навеки раствориться в звериной ипостаси, уничтожит тебя изнутри. С тех пор ты будешь вполне счастлив – удовлетворяя свои, животные инстинкты, воюя с другими хищниками, уничтожая всех остальных – кто не хищник, тот добыча. Ты будешь удовлетворён и успешен, возможно, даже купаться в роскоши и славе. Вот только человеком быть перестанешь. И если заставить тебя сменить шкуру – ты навеки превратишься в животное, навсегда став зверем. Обратного хода не будет!

Макс вздрогнул.

– Неужели все мои друзья...

– Они ещё молоды. У них ещё есть шанс. Но заставить их сменить шкуру здесь и сейчас – преступление. Никто из нас не пойдёт на это.

– И... Настя?

– У вас впереди долгий путь. Человек в твоих друзьях жив. Да, животное доминирует, однако это не хищники... В основном. Возможны самые необычные варианты. С вами

пойдёт проводник – по моему, тебе понравился Клайон? Он прекрасный парень, и путешествие может помочь ему в обретении себя – он то же ещё учиться. В физическом плане он силён и крепок, и сможет помочь тебе в защите своих спутников. Мы приготовили вам самое лучшее наше снаряжение. А так же все документы, которыми имеем право снабдить путешественников других миров. Это всё, что мы можем для вас сделать.

Макс вздохнул.

– Что ж, расклад понятен. Дорога сама расставит всё по местам. Мы выйдем утром. Надеюсь, я и мои спутники не слишком обременили ваш клан.

Утро было солнечным. Облака не закрывали небо, солнце, яркое и лучистое, было не столь тёмных оттенков, став немного похожим на земное. Новая одежда, заранее доставленная аккуратными хлоями, была удобной и лёгкой. В ней можно было легко оборачиваться, и при этом не бояться ни ночного холода, ни дневной жары. Нехитрая посуда, спальные, навес, набор инструментов и запас пищи на дорогу – все было уложено в несколько тюков, которые легко было нагрузить на спину лошади – или медведя.

Макс вздохнул – и сменил шкуру. С каждым разом оборачиваться становилось всё проще и быстрее. Мгновение назад ты стоял на двух ногах – и вот уже четыре мощные лапы твёрдо упираются в землю, а под косматой шкурой легко пе-

рекаются змеи мышц.

Дорога, гладкая и ровная сама ложилась под ноги. Впервые за все эти суматошные дни Макс обратил внимание на то, что на ней не было ни пыли, ни грязи. Впрочем, какого-либо покрытия – то же. Обычная укатанная земля, немного вспученная к центру – и при этом на неё не было ни ухаба, ни рытвинки! Огромный медведь подумал, покачивая тяжёлой головой – и со всего маху ударил по гладкой поверхности, полоснув со всей силы когтями! Удар отозвался болью во всем теле, сотрясая сам костяк большого зверя – но на дороге не осталось и вмятинки!

Клайон рассмеялся, и, положив руку на холку недоумённо качающего головой Макса, сказал:

– Это очень древняя дорога. Я не знаю, как её делали, но это не имеет отношения ни к магии, ни к технологии. Какой-то совершенно иной процесс... Её не строили в обычном понимании слова. Только выкорчевали деревья и кусты, очистив почву от всего постороннего – и попросили землю застыть. Возможно, наши предки сумели изменить природу времени в этой полосе земли – не знаю. Как и не понимаю, почему она противиться ударам, но пружинит под ногами, позволяя двигаться легко и быстро. И как она не зарастает травой. Предки оставили нам много тайн – им приходилось изобретать на ходу, борясь с магией здешних земель. Говорят, многим из них пришлось жизнью заплатить за использование запретных знаний.

– Как это? – Вадим подошёл поближе, явно заинтересовавшись.

– Этот мир подобен извержению вулканов. Словно живёшь на молодой горной цепи, только вместо лавы, пепла, землетрясений и камнепадов – совершенно дикие выбросы магии. Наши учёные полагают, что через пару миллионов лет всё успокоится и разбушевавшиеся силы станут подвластны и хлоям – но сегодня нам от этого не легче. Многие мечтали бы...

Клайон замолчал и молнией метнулся к обочине, в прыжке обрастая шерстью. Рёв, шелест сминаемого воздуха – и огромное тело змеи, длинной не менее пяти метров принялось описывать круги в воздухе, пытаясь захватить гибкого зверя в свои объятия.

Макс сбросил поклажу и кинулся на помощь – но это была уже агония. В первом же прыжке чёрный волк полоснул клыками под головой гадины, почти отделив её от тела – а потом лишь уворачивался от бьющегося в последних судорогах тела. Сибиряк вздохнул и яростно припечатал проносщийся мимо хвост, заставив его судорожно вздрогнув, затихнуть. Это он должен был почуять притаившегося в засаде змея! А на деле получилось, что проводник успел не только раньше него обнаружить опасность, но и ликвидировать её!

Между тем молодой хлой успел не только вернуться в человеческий облик, но и наскоро обмывшись из захваченной путешественниками внушительной фляги, вновь вернуться

к прерванному разговору – словно ничего не произошло. Скорее всего, подобные случаи на дороге не редкость! Макс постарался внимательней следить за обочиной, слушая разговоры вполуха.

– Это лия, песчаная змея. Встречается нечасто, так как пески в лесной стране редки. Вот дальше на юге – там они настоящее бедствие. Подобные рептилии способны неделями неподвижно сидеть в засаде, не выдавая своего присутствия ни жестом, ни звуком. Если нет привычки – почуять их практически невозможно...

– И много ещё будет... таких сюрпризов? Плечи Вики передёрнулись, и она обхватила себя руками, словно пытаясь защититься от опасности.

Молодой оборотень пожал плечами.

– Животные никогда не были особым поводом для волнений натасканному оборотню. Магические пасти земли куда опасней! Но если держаться дороги – должно быть всё в порядке.

– Что за пасти? – Это вопрос вырвался, казалось, от всех землян сразу.

Клайон пожал плечами.

– Магические ловушки. Места напряжения природных сил. В них смешиваются законы нашего мира – и можно запросто сгинуть. Поэтому-то у нас посёлков немного – они расположены в бедных магией местах – там, где подобного практически не случается. А двигаться от деревни к дерев-

не нам помогают дороги. Благодаря мастерству предков, ловушки, проходя над дорогой, не действуют.

– Они ещё и двигаются? – Вадим единственный из всех не то что бы испугался – наоборот, глаза его горели азартом исследователя.

Проводник пожал плечами.

– Конечно. Правда, по своим, непонятным непосвящённым законам, но – движутся. Мы не знаем их. Возможно, из-за того, что не владеем магией. Или у нас нет ваших технологий.

– А откуда ты знаешь... О технологиях?

Клайон улыбнулся.

– У вас есть какие-нибудь приборы из вашего мира?

Настя, шедшая ближе все к Максусу – она единственная из землян не боялась косматого зверя, шагающего рядом с ними, протянула руку к вещам и покопавшись в своей сумочку, достало сотовый – красный, глянцевый, с зеркальным монитором.

– Вот – она протянула его проводнику, но он отрицательно покачал головой.

– Проверь – он работает?

– Наверное, уже разрядился. Но позвонить всё равно не получится. К тому же – пару дней назад он великолепно работал! Мы засняли столько кадров вашего посёлка. Сейчас покажу....

Настя стала щёлкать кнопками, но недоумённо покачала

головой.

– Заряд ещё есть, но на дисплее высвечивается что-то странное...

– У вас ещё месяц – если за это время не вернётесь в свой мир, от любой техники нужно будет избавляться – она станет самостоятельной... и опасной. Нам не раз гости из соседних миров приносили разные приборы. Полезные и удобные, иногда деловые, чаще весёлые. Поработав неделю, они ломались – а через месяц становились убийцами. Словно заражались агрессией от животных нашего мира. Если у наших предков была лишь неделя, что бы обустроить наш быт – они должны были вкалывать, как безумные.

– Или как господь бог. Он за неделю создал вселенную. – Вика грустно улыбнулась.

– Хлои не верят в высшие силы. Нам много раз рассказывали о богах, якобы сотворивших мир. Почти у каждого народа есть подобная история. Но мы верим лишь своим предкам.

– Вы молитесь предкам? – Вика грустно улыбнулась. – Значит, вы ещё и язычники?

– Мы не молимся никому. – Голос Клайона оледенел. Казалось, об него можно порезаться. – Мы чтим мудрость предков, но не создаём из них великих духов, требующих поклонения и питающихся нашими душами. Когда вы замените веру знанием – возвращайтесь, и мы продолжим этот разговор. А пока – знайте! Ни один из викингов не признает над

собой никого, кроме чистого неба! Мы чтим только свободу – признавая её за собой и за другими! В том числе – свободу не позволять вере затмевать знания! Или свободу верить словам других людей, отказавшись от собственных поисков истины. Этот путь для ленивых – но это тоже путь, и не кому не позволено выбивать его у вас из-под ног.

После этого все шли в молчании. Несколько раз проводник отражал атаки мелких зверей леса – и каждый раз его скорость поражала воображение. Макс мог только удивляться, раз за разом опаздывая к разборкам – похоже, ему в первый день здорово повезло. Как обронил в разговоре Ирк'х, касадг подпитывает скорость реакции магией, а из-за портала, нарушившего магические связи, он оказался заторможенным. Это дало землянину шанс – и он им воспользовался. То же, что творил Клайон... Недаром он был чемпионом по местному футболу, Его движения были практически неуловимы глазом. Четырежды он отражал атаки – и четырежды Макс оставалось лишь добивать подранков. Вечером, разбив лагерь прямо на дороге – в месте, где она описывала круг, создавая защитную зону, после того как все поели и улеглись спать, сибиряк подсел с вызвавшимся сторожить Клайону. Тот, видя его восхищение, лишь усмехнулся.

– Что, завидуешь?

– Да! У меня так не получается! Мои рефлексy не идут в никакое сравнение с твоими!

– Это потому, что ты и в шкуре зверя считаешь себя чело-

веком. Пусть необычным, пусть обросшим шерстью, но человеком. А ты давно уже не человек! Ты – нечто совсем иное, ты – оборотень! Существо, сумевшее взять лучшие качества и от человека, и от зверя – и приумножить их, помножив звериные быстроту и силу на человеческую хитрость и разум. Звериный инстинкт – на холодный расчёт. Пока ты недалеко ушёл по этому пути – именно потому, что не хочешь принять свою сущность. Хотя у тебя, в отличие от меня, есть хорошая подсказка!

Он грустно ухмыльнулся, глядя на человека:

– Как поживает твой криг?

Макс достал мягкий комочек, свернувшийся у него под сердцем. Тот сонно заворчал, устроился поудобней – и продолжал посапывать. Он наелся за ужином до отвала – очаровательную зверушку подкармливали все, подсовывая самые лакомые кусочки. Та ела с удовольствием, налегая на мясо – мелкая разновидность местной белки оказалась плотоядной. Теперь она легонько урчала, свернувшись плотным комочком и накрывшись хвостом.

– Нормально. Ест, спит, иногда пытается играть с моими пальцами. А что он может что-то ещё?

– Криг похож и не похож на других зверей. Он похож тем, что владеет магией – и не похож своим отношением к разумным существам. Кригам нравится организованный разум, способный на великое. Они выходят к таким людям – и живут с ними, помогая чем могут. А могут они многое –

нужно только суметь с ними заговорить...

В голосе молодого проводника зазвучала такая тоска, что Макс не стал больше ничего спрашивать. И так было понятно – он ни разу не видел сидящего на проводнике крига. Он протянул руку – и чужая рука сжала его пальцы. Хлои умели ценить сочувствие.

Сибиряк отошёл в сторонку, продолжая поглаживать маленького наевшегося бельчонка.

– Как же с тобой говорить-то? Всё в один голос утверждают, что вы неразумны, и на тебе – с вами можно общаться! Что ты не сказать-то можешь? Что сытно поел и тебя клонит в сон?

Макс хотел ещё что-то сказать, но внезапно он почувствовал... Ему стало тепло и хорошо. Он долго искал того, кт мог бы понять его – и когда почувствовал, мчался изо всех сил, боясь опоздать. Десятки хищников нападали, желая уничтожить, съесть – а он мчался, забыв об опасности. Обычно в это, самое опасное время суток – когда ночь только вступила в свои права и голодные монстры вышли на тропу Охоты – он уже сидел в гнезде, подле уютного бока своей матушки, и прижимался изо всех сил, страшась рыскающей смерти. Но в тот день он мчался из своих слабеющих сил, уворачиваясь от клыков, когтей и жадных лап магических арканов... И в тот миг, когда силы окончательно оставили маленькое тельце – он полетел. Над хищниками леса, над рыкающими тенями внизу – прямо в руки друга. С тех пор он никак придёт в себя

– ест и спит, чувствуя, как силы понемногу возвращаются, как новые способности просыпаются, готовясь выплеснуться в мир. А сейчас – тепло, сытно и хочется поспать...

Сибиряк сам не заметил, как погрузился в сон...

С утра зарядил мелкий противный дождь. Девушки, натянув на себя все шмотки – и одного, и другого мира, понуро вышагивали по дороге, бросая на хихикающих парней испепеляющие взгляды. Настя, поколебавшись, уселась на медведя верхом, посвятив всё внимание сооружению чего-то подобного зонту – и преуспела в этом больше других, намокнув лишь наполовину. Дождь, хоть и мелкий, был въедливым и настырным – он проникал повсюду, налипая на одежду, забираясь под шерсть. Макс чувствовал себя ужасно неуютно. Впервые он ощущал мокрые прилипшие волосы всем телом – пока не увидел, как Клайон, метнувшись чёрной тенью в кусты за очередной добычей, вернулся обратно, облизываясь – и, обернувшись, оказался совершенно сухим! Он повторил его тук – и с удовольствием вновь почувствовал мягкую и тёплую шерсть на боках. Лишняя вода упала на землю при смене шкуры! Теперь все девушки прижимались к медведю, с удовольствием греясь у горячего тела, а завистливые взгляды бросали парни, единодушные в своём возмущении наглостью соперника, заграбаставшего себе весь прекрасный пол. Впервые с начала пути Макс почувствовал себя не-одиноким.

ким. Женщины вообще практичней мужчин, и умеют пользоваться обстоятельствами. Пятеро девушек шли около гигантского медведя – кто просто положив руку в тёплую шерсть, кто – прижавшись поплотнее, стараясь укрыться под подобием зонтика, сооруженного Настей. Сама же Настя распласталась на спине зверя, зарывшись в густой мех, наслаждалась ощущением безопасности и покоя, которых она была лишена с того момента, как зашла в старенький лифт в общежитии.

Зверьё похоже, то же не любило дождя – никто не выскакивал из кустов и Клайон, возглавлявший отряд, шёл всё время на двух ногах. Правда, временами воздух по обочинам начинал искриться, вспыхивать, рождая радужные перемены... Проводник скидывал руку, останавливая движение – и маленький отряд замирал, пережидая непонятные явления. Дорога, построенная неизвестно кем, выдерживая очередную атаку – и отряд шёл дальше. Это немного пугало, но видя спокойствие молодого хлая – пережидая очередное раскрашивание неба, он умудрился заснуть, покемарив минут десять – все успокоились и начали любоваться загадочными, яркими и притягательными картинками, словно нарисованными каким-то абстракционистом – сквозь радугу полупрозрачных красок природа менялась, становилась ломанной и совершенно чуждой. Но через несколько минут всё успокаивалось, лес вокруг, хоть и непривычного оттенка, вновь становился лесом – и маленький отряд шёл дальше.

Криг, всю дорогу важно сидящий на голове медведя, высунув любопытную мордочку из шерсти и старательно изучавший окрестности, не взирая на льющий дождь, при виде яркого марева забирался поглубже в мех, прижимался с Максу, явно не желая иметь с происходящим ничего общего. Он словно отгораживался от происходящего, перепоручая себя заботам старшего друга: похоже, он всецело доверял сибиряку, справедливо рассудив, что большой брат должен сам справляться с опасностями. Эти ощущения маленького бельчонка, которые человек начал понемногу слышать, могли бы быть даже забавными – если бы не дрожь, передающаяся к человеку. Чувствуя её, медведь напрягал мышцы, вглядываясь в полупрозрачную хмарь – она была не такой уж и безопасной!

К обеду немного распогодилось, и было решено сделать привал, благо на дороге в очередной раз возникла "проплешина путников" – ровный круг, окружённый самой дорогой, которую хлои снабдили навесом, запасом дров и ежами – не случай ночёвки.

Зажигалки, все как одна, засбоили, отказываясь работать. Единственный полупустой коробок, оказавшийся в кармане у Вадима, безнадёжно отсырел, и Клайон принялся колдовать что-то с взятым из посёлки прибором, состоящим из кресала, кусочка трута и жёлтого камушка, вытащенных им из кожаного мешочка.

Макс вспомнил, как легко разжигал огонь криг Ирк'хага

– достаточно ему был поднести белую белку к приготовленным дровам, как та протягивала лапку – и робкий огонёк пламени соскальзывал с неё, начиная аккуратно покусывать поленья. Такой огонь, хоть и разгорался медленнее, зато никогда не гас. Осторожно он вытащил своего малыша. Бельчонок, упрямо не желающий откликаться ни на одно из имён, которыми его пытался наградить Макс и его спутники, сонно заворчал. В конце пути, убедившись, что его друг в безопасности, но тут же перебрался ему за пазуху и уснул в ожидании обеда.

Макс поднёс Крига к дровам.

– Попробуй, малыш! Тебе же нравится вкусное, сочное, обжаренное на огне мясо? Давай, разведи огонь!

Клайон улыбнулся – нехотя, словно через силу.

– Он ещё малыш, и вряд ли способен на подобное. В любом случае, что бы он тебя понял, ты должен передать образ огня, а не пиши.

Огня... Сибиряк представил себе пламя – вот оно небольшое, облизывает поленья, бежит по веткам, играя сполохами, языки пламени пляшут, поднимаясь всё выше, разгораясь, даруя тепло и свет усталым путникам.

Бельчонок внимательно смотрел на задумавшегося человека – пристально, словно взвешивая чужие мысли на своих собственных маленьких весах... Его сосредоточенно личико вызвало улыбки на лицах девушек – и напряжённое ожидание на внезапно застывшем Клайоне. Наконец криг повер-

нулся – и направился к сложенным в старом кострище дровам. Возле них он обернулся, вновь поглядев на Макса – тот кивнул, стараясь как можно отчётливей представить себе объятый пламенем костёр... Маленькая лапка протянулась, нежно коснувшись отсыревшего полена...

Пламя вспыхнуло почти мгновенно, огненной струёй перекинувшись на все приготовленные для растопки дрова. Языка пламени вспыхнули ослепительно ярко, заставив навес затрещать от жара – и опали, оставив после себя тлеющие угли. Люди вышли из оцепенения, кто-то бросился раздувать огонь, кто-то за новыми дровами, а Макс прижал к себе обессиленного бельчонка. Тот совсем выдохся, прижался к ладони человека, обхватив его большой палец – лежал, жалобно поглядывая на человека чёрными выразительными глазами.

– Ну какой же ты глупыш! От тебя требовалась лишь искра, а не огромное пламя... Эх ты, огонёк... Ребята! Ему понравилось имя! Он будет – Огонёк!

Парень прижал кроху – крига к себе, потрясённый первым осмысленным выбором своего друга – и внезапно почувствовал поток сил, идущих он него к бельчонку. Они были связаны какими-то незримыми узами – и делили всё, подпитывая друг друга силой – и знаниями. Макс охнул, почувствовав слабость – впрочем, она прошла почти мгновенно, зато бельчонок сел и принялся есть подсунутый Клайоном кусок мяса.

– Они устают очень быстро, даже опытные, полные сил! Что же говорит о такой крохе! Ты не смог объяснить ему то, что требовалось – и он выплеснул все силы в огромном прорыве.

– А ему это не навредит?

Клайон улыбнулся.

– Если не умрёт – то нет. Всё, что не убивает, делает нас сильнее. Твой малыш только что открыл в себе огонь – а это нелегко большинству этого непоседливого племени – нужен присмотр старших, их пример и опыт. Это удивительно! Твой малыш жутко талантлив!

Макс нежно погладил бельчонка.

– Он – возможно! А – я? Я не понимаю, как можно действовать быстрее, продолжая оставаться обычным неуклюжим мишкой.

Молодой хлой ухмыльнулся.

– Ну, это ты здорово загнул. Твоя реакция превосходит реакцию обычного зверя. Да, ты не осознаёшь своей природы но она тем не менее есть. Давай сейчас просто побегаем по дороге. Твоя задача – не пытаться догнать меня, а почувствовать себя, свои лапы, касаться земли нежно, словно лаская их подушечками пальцев. Ощути, как твои мышцы пружинят, как наливаются силой перед каждым прыжком... И тогда ты сможешь догнать меня!

Макс ещё пытался вникнуть в смысл сказанных слов, как чёрный волк огромным прыжком преодолел ограждение – и

теперь сидел на дороге, весело скалясь. Сибиряк вздохнул – и, аккуратно пройдя меж проволочными ежами, принялся менять шкуру.

Со стороны это смотрелось забавно. Земляне вовсю веселились, тем более что оборотни кружили вокруг стоянки, не отходя далеко; казалось, что чёрный и бурый звери просто устроили чехарду на дороге. Чёрный отбегал, садился. Ждал, когда бурый его догонит – и, досадливо помотав головой, принимался жестикулировать лапами, скребя ими по земле – и, превратившись в вихрь энергии, вновь отлетал на пару десятков метров в сторону.

Никогда ещё Макс так не злился. Клайон словно издевался над его слабостью и неуклюжестью – он передвигался со скоростью молнии, оказываясь то впереди, от далеко сзади пытящего медведя; и приходилось разворачиваться догонять, пытаясь при этом ещё что-то почувствовать уставшими после дневного перехода лапами. Кода же проводник начинал показывать, аккуратно касаясь земли, как именно он отталкивается от поверхности, совершая гигантские прыжки, не приминая и клочка пыли, сибиряка просто начинала трясти. Прыжки в его исполнении были чем-то неуклюжим и неловким – со стороны их временного бивака то и дело доносились смешки, а то и откровенные взрывы хохота.

– Наступать нежно! Словно лаская землю... – Он старался, но тяжёлая лапа раз за разом впечатывалась в грунт, словно готовясь сокрушить кого-то. Макс помотал головой, и со-

шёл с дороги на лесную траву, густо росшую у обочины – побежал пару десятков шагов, грустно посмотрел на вывороченные пласты земли – и, ссутулившись, вернулся на желтеющую ленту. Не бегать ему подобно лисице, легко отталкиваясь от травы, не приминая её, не скользить бесшумной тенью, почти незаметной на фоне вечно меняющихся теней леса... Его удел – ломиться напролом, распугивая мелкую живность и предупреждая всех о своём присутствии шумом и грохотом переворачивающихся камней, ломающихся веток и пыхтением тяжелого дыхания... Словно атакующий танк...

– Атакующий танк! – Макс вскочил, припоминая слова своего хорошего приятеля, так называвшего особый, совершенно не похожий на другие стиль бега – стиль, основанный на силе, а не на ловкости.

Хлоп! Тяжёлая лапа ударила в землю – ударила твёрдо, не пытаясь казаться нежной и мягкой и пружинить подобно травинке – но заставляя саму землю быть такой. Удар! Ещё один! Земля содрогалась под тяжестью мощных лап, послушно отдавая свою силу, свою энергию огромному зверю. Мышцы, и без того уставшие за день, взвыли, потрясённые непомерными требованиями, но отступили перед неукротимым напором, сдавшись на милость зверя. Быстрее! Ещё быстрее! Макс не видел потрясённого взгляда Клайона, изо всех сил пытающегося удержаться рядом, но безнадёжно отстающего – он бежал, наслаждаясь силой, разбивая грудью застоявшийся воздух, превращая его в ветер – и тело

уже неслось само, полное внутренней силой. Когда же человек внутри животного опомнился, ему пришлось приложить усилие, что бы погасить скорость, остановится и, развернувшись, встретиться с потрясенным взглядом карих глаз обернувшегося проводника...

— Здорово! — Клайон искренне радовался за друга, захлёбываясь словами и эмоциями. — Я слышал о таком, но никогда не видел. Скорость за счёт силы, энергия вместо лёгкости... В таком состоянии можно разбивать гранитные валуны, словно перезрелые овощи, бегать под водой, не замечая отсутствия воздуха, прыгать, подминая под себя землю... Хотя кому я это рассказываю!

Молодой хлой пытался сказать ещё что-то, но тут со стороны стоянки взвился в воздух тонкий крик перепуганной девушки.

Мышцы взвыли, мироздание застучало в висках тугими молоточками, деревья по обочинам дороги слились в пёструю зелёно-фиолетовую ленту. Клайон, изо всех сил пытающийся не отстать, со странным восторгом наблюдал, как на нерушимой дороге возникают и тут же тают отпечатки крепких медбвежьих лап...

Несколько коричневых фигур, выскочивших из-за зарослей, торопливо перескакивали через ограду, способную удержать любого хищника. Вадим, размахивавший торопливо выхваченной из костра веткой, пытался их задержать — но не преуспел в этом. Фактически, никто даже не притормозил

– ветка хрустнула в челюстях одного из зверей, не обратившего на огонь никакого внимания, и вырвавшего её из рук человека, подобно обычной палке. Огонь вспыхнул и потух, рассыпаясь безобидными искрами, Рука парня окрасилась кровью – дико завизжала Мадлен – и тут, сметая провололочные ежи, на бивак влетел бурый ком расвирепевшего меха. Коричневые звери, как один, оставили людей и бросились на серьёзного противника. Двое повисли на боках, один – самый ловкий и удачливый, чья морда уже была окрашена кровью – метнулся к горлу. Завалить, загрызть это непонятное созидање – а уже потом не спеша расправиться с остальными!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.